

ВЕЧЕРЯ ГОСПОДНЯ

Сумма представлений

Сергей Санников

Христианство XX века многолико. Как отличается свободное и раскованное собрание африканской баптистской общины от строго канонизированного и беспристрастного богослужения в древнем католическом храме! Но при всем многообразии форм, во всех христианских конфессиях есть единые элементы. Один из них – Вечера Господня.

По поводу Вечери Господней написано множество богословских книг, статей и докладов, ей посвящены лучшие произведения композиторов, поэтов и писателей с мировым именем. Но все человеческие усилия только приоткрывают ту завесу непостижимого, которая окутывает сияющую над веками и капризами истории Трапезу Господа нашего Иисуса Христа.

Понимая все это, а также учитывая, что все логические определения огрубляют и отчасти искажают истинную суть Вечери Господней, с молитвенным благоговением задумаемся над следующими четырьмя вопросами:

1. Каковы истоки этой заповеди?
2. В чем ее внутренний смысл? То есть, что она заключает в себе и несет окружающим людям?
3. Всегда ли она проявляет свое могущественное действие и каковы условия ее действительности?
4. Как практически проводится Вечера Господня и как она должна проводиться?

Эти вопросы позволяют взглянуть на Вечерю Господню с точки зрения четырех богословских дисциплин: истории, догматики, пневматологии, литургики.

ИСТОКИ

Иисус Христос установил заповедь Вечери в верхней горнице, где обычно собирались гости, в неведомом нам иерусалимском доме, в четверг, накануне Своих Голгофских страданий. Об этом неопровержимо свидетельствуют евангелисты-синоптики (Мф. 26. 17-30; Мр. 14. 12-26; Лк. 22. 7-30). Это событие вошло в летопись христианства как Тайная Вечеря.

Был вечер 13 Нисана 3790 года по еврейскому календарю. По современному летоисчислению, как думают большинство современных исследователей (1), это был вечер 6 апреля 30 года Новой эры.

П А С Х А

В этот вечер начинался первый день опресноков, когда надлежало закалат пасхального агнца; (как известно, в Израиле день начинался с вечера). Господь Иисус совершил в это время ветхозаветную Пасху.

По закону Пасха совершалась 14 Нисана, однако в год, когда 14 Нисана совпадало с субботой, возникало противоречие: в Исх. 12. 10 сказано: 'Оставшееся от него (от пасхального агнца) до утра сожгите на огне', но в Исх. 35. 3 повелено: 'Не зажигайте огня во всех жилищах ваших в день субботы'. Без огня невозможно было исполнить заповедь, Записанную в Исх. 12. 10. Поэтому, по учению Толмуда, разрешалось в этот исключительный год - либо есть пасхального агнца на день раньше, либо нарушить заповедь Исх. 35. 3, т. е. зажечь огонь для сожжения остатков пасхального агнца.

По свидетельству евангелиста Иоанна, 14 Нисана 3790 года была суббота (Ин. 19. 14). Таким образом, из сопоставлений четырех евангелий видно, что часть простого народа (в том числе Христос с учениками) вкушали пасхального агнца в четверг 13 Нисана, а другая часть - в большинстве знатные и привилегированные - приступили к пасхальной трапезе 14 Нисана, в пятницу; в день, когда истинный пасхальный Агнец был заклан на Голгофском кресте (2).

Праздник Пасхи был установлен Богом в день выхода израильского народа из земли Египетской (Исх. 12. 2-14) и до этого в истории не встречался, хотя некоторые исследователи считают, что еще до исхода из Египта евреи '...праздновали древний скотоводческий праздник с принесением в жертву непорочного агнца' (3). Это мнение, высказанное еще Ю. Велльзаузенем (4), не имеет ни исторических, ни богословских подтверждений.

Иисус Христос вошел в иерусалимскую горницу с двенадцатью учениками и возлег для пасхальной трапезы, предписанной законом Моисеевым. (Процедура выполнения ветхозаветней Пасхи во времена Христа подробно описана У. Баркли 'Толкование евангелия от Марка' (с. 363-366), а также в брошюре Робби Пинкбас М. Тейзи 'Повествование на Пасху').

Перед третьей чашей ветхозаветней пасхальной трапезы, которую евреи называли 'чашей благословения' (это название вспоминает Ап. Павел в 1 Кор. 10. 16), когда по требованиям Толмуда нужно было доесть весь оставшийся от трапезы хлеб, Иисус совершил новозаветнюю Трапезу Господню. Он совершил ее в том же порядке и в той же простоте, которую, как заметил А. В. Карев, сохранили церкви нашего евангельско-баптистского братства.

Если согласиться с тем, что события, описанные в 13 главе Евангелия от Иоанна, повествуют о пасхальной трапезе Иисуса Христа (5), то из прочтения Ин. 13. 26-30 становится очевидным, что Иуда участвовал только в ветхозаветней трапезе. Он вышел из горницы после того, как Иисус подал ему кусок хлеба, обмакнув его в блюдо с соусом, который назывался 'харошеф'. Это свидетельствует о том, что ветхозаветняя вечеря еще не была закончена. По свидетельствам евангелиста Луки (Лк. 22. 20) и Ап. Павла (1 Кор. 11. 25), заповедь Нового Завета была установлена 'после вечери'.

Поэтому, вряд ли можно согласиться с мнением одного из современных адвентистских богословов, обосновывающего высказывание Елены Уайт, что 'Иуда участвовал не только в пасхальной трапезе... но также и в Вечери Господней' (6). По евангелисту Иоанну, в тот вечер в горнице осталось только одиннадцать верных учеников Иисуса Христа, которым Он, преломив, подал хлеб и чашу.

Таким образом, новозаветняя Вечера Господня исторически связана и вышла из ветхозаветней Пасхи. Она раскрыла мессианский смысл этого ритуала, сбросив оковы древнего прообраза, но сохранив многие параллели с ним.

Так, ветхозаветняя Пасха, совершаемая иудеями из года в год, была воспоминанием выхода израильского народа из египетского рабства. Новозаветняя Вечера Господня стала воспоминанием Иисуса Христа, Вождя истинного народа Божьего, выведшего Своих из рабства греха и тления. Невинные пасхальные агнцы, закалаемые из года в год и вкушаемые на Вечери, направляли взоры иудеев назад, к тем агнцам, которые были

закланы в ночь выхода из Египта, и как бы приняли на себя грех и наказание прошедшего мимо Ангела-Губителя (7). В то же время очень немногие из иудеев понимали, что эти агнцы указывают и вперед - на истинного Агнца, Который возьмет на Себя грех мира и будет заклан за всех людей. Сегодня, - это историческое прошлое человечества, поэтому Ап. Павел торжественно провозгласил: 'Пасха наша, Христос - заклан за нас' (1 Кор. 5. 7), и новозаветняя Вечеря Господня, совершаемая христианами, является громогласным возвещением смерти Господа Иисуса Христа за каждого из нас. Так выявился мессианский смысл ветхозаветней Пасхи.

Прообразное значение, раскрывшееся в Вечере Господней, имеет многие элементы еврейской Пасхи. Например, приправа из горьких трав, которая по еврейской традиции символизировала горькие слезы египетского рабства, сегодня указывает на слезы покаяния при самоиспытании участвующих в новозаветней трапезе; свидетельство отца семейства об освобождении из плена отражает проповедь благой вести спасения, которая произносится при совершении Вечери Господней; пресные хлебы, вкушаемые семь последующих пасхальных дней, указывают на необходимость полноты святой и безгрешной жизни христианина на протяжении всего пути в небесную отчизну; помазание косяков дома кровью агнцев свидетельствует о силе Крови Иисуса Христа, смыть всякое согрешение суеже прощенного чада Божьего. Яркий прообраз заключается в ветхозаветнем благословении хлеба и чаши, называемом 'берака', и впоследствии восхвалении Всевышнего с пеннием псалмов. Это было отражением гимна хвалы и славословия искупленного Христом человечества, звуки которого становятся все более и более мощными в наши дни.

Список этих прообразов можно продолжать и продолжать... И все это будет свидетельством того, что ветхозаветняя Пасха была только тенью, которую на протяжении полутора тысяч лет отбрасывала на израильский народ Вечеря Господня нашего Господа Иисуса Христа.

Вместе с тем, в истоках этой заповеди лежит не только ветхозаветняя Пасха. Еще несколько событий религиозной жизни Израиля нашли отражение в новозаветней Трапезе Господней. Одно из них связано с горой Синай...

К Р О В Ь З А В Е Т А

Иисус Христос, подавая ученикам чашу, сказал: 'Сие есть Кровь Моя нового завета...' (Мф. 26. 28).

Эти слова, с одной стороны, ясно указывают, что Вечеря Господня несет в себе отражение того Нового Завета, который Бог заключил со всем человечеством, а с другой стороны, обращают внимание на бывший ранее (Ветхий) Завет, заключенный Владыкой неба и земли с Израилем.

24-я глава книги Исход повествует о заключении завета с еврейским народом. Завет (8) представлял собой договор, в котором Бог высказывал Свою волю по отношению к Израилю, а народ давал обещание соблюдать ее (Исх. 24. 7). Этот договор был записан Моисеем в книге завета, Торе. Это был договор двух неравных в силе и величии сторон, но он свидетельствовал о благоволении Бога к человечеству.

Посмотрим внимательно на происшедшее почти три с половиной тысячи лет назад у подножья дымящегося Синая. Главным событием, сделавшим договор действительным, были не слова обещания, произнесенные народом, и даже не слова Божии, несшиеся с вершины Синая, а жертвенная кровь, которую Моисей разделил на две части.

Одной половиной крови он окропил жертвенник - это была Божия часть; другую половину жертвенной крови он влил в чаши и окропил ею народ, говоря: 'Вот кровь завета, который Господь заключил с вами' (Исх. 24. 8). Это была человеческая часть в этом договоре. И отныне голос этой крови должен был вопиять от земли и свидетельствовать обоим сторонам, что вечный и нерасторжимый завет вступил в силу, и мщению подлежит тот, кто нарушит этот договор (9). Бог остается верен этому договору до сего дня. Израиль же, постоянно нарушая этот завет, несет на себе и на детях своих кровь Божьего наказания.

Однако этот первый завет, будучи грозной исторической действительностью для Израиля, с точки зрения вечности был только предвозвестником Нового Завета, который Бог от начала намеревался заключить со всем человечеством, о чем Ап. Павел пишет, обращаясь к язычникам: 'Вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования...' (Еф. 2. 12).

Израильский народ знал три завета: завет Бога с Авраамом (Быт. 12. 1-3; Быт. 15. 18-21; 17. 1-8), Синайский завет (Вт. 28-30), завет с Давидом (2 Цар. 7. 16; Пс. 88. 1-4) (10). Но теперь на смену этим трем пришел Новый Завет, который не является четвертым в ряду трех предыдущих, а объединяет их, вбирая в себя на качественно новом уровне.

Новый Завет заключил с людьми наш Господь Иисус Христос (Евр. 8. 6-13). Он состоял не в том, что Бог изменил Свою волю по отношению к людям: сделал ее менее святой и менее трудновыполнимой, а в том, что отныне людям предлагался новый тип взаимоотношений с Богом: взаимоотношений не по закону, а по благодати.

Подзаконные отношения строились на принципе - 'исполни закон - получишь благословенную жизнь.' Благодатные отношения исходят из лучшего принципа - прими жизнь по вере и тогда сможешь исполнить даже самый строгий закон. Но установление этих новых взаимоотношений Бога с людьми происходит так же, путем договора.

Бог со своей стороны нечто требует от человека и нечто обещает ему. В ответ на это, человек соглашается выполнить требования Бога и обещает Ему добрую совесть до конца своей жизни. Но и в этом случае кульминационным моментом договора, делавшим этот Новый Завет реальностью - является пролитие *жертвенной крови!*

Кровь была пролита на Голгофе и внесена в истинное святилище Божье (Евр. 9. 12), чтобы говорить лучше, чем кровь Ветхого Завета. Кровь Христа молит Отца Небесного не о мщении, а о помиловании и прощении тех, за кого она была пролита. Это действие Крови Завета по отношению к Богу. По отношению к людям Кровь Христа 'очищает нас от всякого греха' (1 Ин. 1. 7). Но это очищение происходит только в ответ на искреннее раскаяние человека.

Таким образом, Новый Завет вступил в силу на Голгофском кресте, но закрепить его в сознании людей Иисус Христос пожелал в тихой иерусалимской горнице накануне этого страшного события. Как и много веков назад, само жертвоприношение и свидетельство о Нем были разделены во времени.

В то время, когда Моисей с чашей, полной крови завета, стоял перед склоненным израильским народом, - рев животных, закланных у подножия Синая давно стих. Когда Иисус подносил Своим ученикам чашу Нового Завета, Голгофа еще спала, и над ней еще не звучал предсмертный вопль жертвы: 'Или, Или! лама савахфани?' (Мф. 27. 46). Но и в том и в другом случае Чаша завета должна была навсегда запечатлеться в сердцах собравшихся.

События, происшедшие у горы Синай, каждый израильтянин заучивал наизусть. Милосердный Иисус позаботился, чтобы Его последователи не только имели письменное свидетельство о Новом Завете, но и всякий раз, собираясь для выполнения Его заповеди - Вечери Господней, могли наглядно видеть Чашу, которая свидетельствует, что Бог заключил с ними Новый Завет и они ответственны за его выполнение. Поэтому Ап. Павел в послании к Евреям, которые могли глубоко понять и правильно оценить его слова, так много внимания уделяет Крови Завета и ответственности верующих за нарушение этого Завета. Он пишет: 'Сколь тяжчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которую освящен' (Евр. 10. 29).

Таким образом, Вечеря Господня - это трапеза, подтверждающая Новый Завет, собираясь на которую, христиане не только вспоминают Кровь, очистившую и до сих пор очищающую нас, но и Завет, вступивший в действие только этой Кровью. Как выразился Г. К. Тиссен: 'Новый Завет ратифицирован Кровью Христа' (11).

ПОМИНАНИЕ УСОПШИХ И ПРЕЛОМЛЕНИЕ ХЛЕБА

Иисус Христос на Тайной Вечери, обращая взоры учеников в будущее, заповедовал вспоминать о Нем после того, как совершится предсказанное пророками, то есть *после Его смерти*.

Еврейская традиция весьма почитательно относится к воспоминанию об умерших. Хотя поминание усопших не предписывалось законом Моисеевым, в еврейском народе с древних времен сложился обычай, упоминаемый у пророка Иеремии. В память об ушедшем с земли живых, после дней плача и поста, родственники и друзья умершего преломляли в печали хлеб и подавали друг другу чашу утешения (Иер. 16. 7).

Еврейская энциклопедия сообщает об этом так: 'Часто после смерти близких постились (1 Цар. 31. 13; 2 Цар. 3. 35), причем с заходом солнца устраивали 'пир печали' (2 Цар. 3. 35; Ос. 9. 4). Бокал вина, который приподносили при этом скорбящему, назывался чашей утешения' (12).

Остатки этого древнего обычая сохранились во многих народах и до наших дней в виде так называемых поминок, во время которых близкие покойного собираются за трапезой и вспоминают об умершем.

'Христос знал, - замечает А. В. Карев, - два свойства человеческой души: ее способность забывать, а также ее способность привыкать ко всему настолько, чтобы перестать замечать все прекрасное и ценное...

Но, слава Господу, наша душа обладает и другой чудесной способностью: вновь и вновь вспоминать далекое и прошлое... Такие простые знаки, как хлеб и вино, должны напоминать нам Христа и дело нашего спасения' (13). Таким образом, Иисус использовал обычай поминания усопших ради того, чтобы мы обновляли в своем сердце воспоминание о Нем.

Наш Господь употребил в Своей заповеди священное для евреев действие - *преломление хлеба*, которое составляло неотъемлемую часть обязательных субботних трапез. Как указывает К. В. Сомов, оно особенно практиковалось в еврейской религиозной секте ессеев...

У ессеев каждодневные трапезы сопровождалась хлебопреломлением. Об этом узнали по данным археологических раскопок, произведенных в местности Вади-Кумран' (14).

Согласно древнееврейской традиции хлеб не резали ножом, а ломали руками. При этом хлеб всегда составлял главное блюдо всякого обеда (15). На хлеб всегда просили благословения, и преломление его, с последующей раздачей всем, было прообразом наделения всех присутствующих за столом благословением, почившим на хлебе. Но преломление хлеба носило еще один, очень важный прообраз. Оно указывало на *насилие*. Последующая раздача и вкушение этого хлеба показывало всеобщую сопричастность этому насилию.

Хлеб, преломленный руками Иисуса Христа, был видимым знаком, указывающим на добровольную отдачу Его Тела в руки разъяренной и глумящейся толпы. А вкушение этого хлеба было прообразом участия всех присутствующих в этом ужасном деле. Безусловно, ученики в тот исторический вечер не понимали, что грехи всего человечества, и в том числе и их грехи, будут 'преломлять' Тело Иисуса Христа на следующий день. Но в наши дни, благодаря наставляющему действию Духа Святого, мы знаем, что все человечество виновно в страданиях Небесного Учителя.

С другой стороны, преломление хлеба для всех последователей Христа стало прообразом того, что результат Иисусовых страданий - благословение Божие и жизнь с избытком - становится достоянием всех участвующих в трапезе. Как для евреев благословение, ниспосланное на хлеб ради отца их - Авраама, делалось при всеобщем участии достоянием многих, так и для христиан вкушение от единого хлеба указывает, что благодать, данная человечеству ради Сына Божьего - Иисуса Христа - распространяется на всех.

Поэтому, преломляя хлеб и вспоминая о Христе, будем помнить о всеобщей сопричастности в Едином.

Таким образом, подобно тому, как корни Нового Завета уходят в Ветхий Завет, и как христианство вышло из иудаизма, сбросив символизм древних прообразов, так новозаветняя Вечеря Господня имеет истоки в ветхозаветних традициях.

Христос не вводил новые правила и обряды, но открыл сокрытое духовное содержание в самых ярких страницах истории Своего народа и одухотворял обыденную повседневность, вкладывая в обычные слова и действия глубокий божественный смысл.

Только Небесное Провидение могло непостижимо простым образом увязать три ключевых явления в религиозной жизни Израиля - Пасху, Синайский завет и поминание усопших - через традиционное, святое, но доступное самой бедной семье действие, - *преломление хлеба и принятие общей чаши с вином*.

ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ

Споры, веками бушующие вокруг Вечери Господней, привели к тому, что чаще всего рассуждения о внутреннем смысле этой заповеди сосредотачиваются вокруг самого акта преломления хлеба и его принятия. Соответствующие разделы учебных пособий начального богословия в различных деноминациях в основном обращают внимание на вопрос: происходит или не происходит что-либо с хлебом и вином на Вечере? Другие стороны этой заповеди рассматриваются схематично и мельком.

Такое положение привело к тому, что христианство нашего времени практически потеряло целостное представление о Вечере Господней, как о трапезе, несущей в себе определенный комплекс понятий. Для одних она превратилась только в причастие, для других - только в воспоминание, для третьих - в благодарение... А в сознании подавляющего большинства участвующих Вечеря Господня воспринимается как та часть богослужения, на которой вкушается хлеб и вино. Однако трапеза Господа Иисуса Христа - это более широкое явление.

Она начинается со слов пресвитера, открывающего собрание - 'мир вам' - и заканчивается апостольским благословением и пожеланием мира при окончании собрания. То есть все богослужение, на котором совершается преломление хлеба, от начала и до конца - является Вечерей Господней. Только такой широкий взгляд может дать всестороннее и объемное представление о ее содержании.

Итак, рассмотрим семь главных составляющих Вечери Господней.

В О З В Е Щ Е Н И Е

Писание утверждает, что, 'всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, СМЕРТЬ ГОСПОДНЮ ВОЗВЕЩАЕТЕ...' (1 Кор. 11. 26). То есть всякий раз, когда на наших богослужениях преломляется хлеб и разносится чаша, происходит возвешение смерти Господней.

Возвещать - значит открыто и громко говорить, объявлять для всеобщего сведения. И такое возвешение происходит во время Вечери Господней не только с кафедры, когда проповедуется Слово Божие о страдании и смерти Иисуса Христа, но и самим присутствием на столе

хлеба и чаши. А. В. Карев говорил: 'Кроме проповедей о смерти Христа, кроме богословских статей о смерти Христа, кроме песней и гимнов о смерти Христа, есть еще два вестника, возвещающие смерть Христа на Голгофском кресте: это хлеб и вино Вечери Господней' (16).

Почему же смерть Христа достойна того, чтобы ее возвещать? (т. е. говорить о ней всем окружающим). А. В. Карев пишет далее: 'В нашей земной жизни мы познаем смерть Христа лишь отчасти, но... достаточно знать о смерти Христа то, что мы знаем теперь, чтобы сделаться наследниками вечной жизни и всего того, что Бог приготовил для любящих Его' (17).

Писание утверждает, что Христос умер за всех (1 Кор. 15. 3) и именно смертью своей лишил 'силы имеющего державу смерти, то есть, дьявола', и избавил тех, 'которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству' (Евр. 2. 14, 15). Смерть Христа является возмездием Божиим за наши грехи, ибо Писание категорически утверждает приговор Божий: 'Возмездие за грех-смерть' (Рим. 6. 23). И этот приговор был приведен в действие на Голгофе, но не над нами, а над нашим Спасителем Христом!

Таким образом, только смерть Христа достойна того, чтобы ее объявлять для всех людей земли. Чью бы другую смерть мы не возвещали - она способна вызвать в одних скорбь и слезы, в других раздражение и недоумение, а большинство слушателей оставит равнодушными. Но смерть Иисуса Христа возвещается потому, что она ДАЕТ ВСЕМ ЖИЗНЬ.

Поэтому во время богослужений с Вечерей Господней главное внимание должно уделяться не чувственному экстазу с красочным описанием жаркого палестинского солнца, римского бича, капель крови и нестерпимой боли Великого Страдальца - Христа, а возвещению смысла и назначения этой смерти, а также причастности каждого слушающего к ней.

Доктор Вернер де Боор писал: 'Празднование Вечери Господней является 'Словом о Кресте'. И это слово произносится на Вечери не отдельными вестниками, не священниками только, совершающими богослужение, но всеми участниками трапезы 'словом и делом', вкушая от хлеба и отпивая от чаши' (18). В этих словах слышится еще одна особенность Вечери Господней - *возвещение совершается всеми участвующими в этой трапезе!* Вот почему Г. Е. Адамович называл Вечерю Господню 'Великим исповеданием' (19). То есть не только служители Церкви, не только хлеб и чаша возвещают смерть Христа, но и каждый вкушающий делает это. Значит, дерзая протянуть руку к хлебу и чаше, каждый должен ясно соз-

навать, что этим самым он объявляет всем окружающим, а также невидимому ангельскому миру, что Иисус Христос умер за него, и стал его личным Спасителем.

Ап. Павел, подчеркивая слова Христа: 'Когда вы едите... смерть Господню возвещаете...' (1 Кор. 11. 26), обращает внимание на обновление в нашей душе сознания необходимости исповедания Христа личным Спасителем; чтобы Божественная истина: 'Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению' (Рим. 10. 10) не остывала в устах наших.

Это исповедание звучит для всех собравшихся, но особенно оно предназначается к тем слушателям, которые еще не познали значения смерти Христа и не приняли Его как личного Спасителя. Поэтому можно сказать, что возвешение смерти Христа - это та сторона Вечери Господней, которая носит прежде всего внешний, благовестнический характер и обращена как к верующим, так и к неверующим, присутствующим на этом богослужении.

В связи с этим полезно вспомнить, что история хранит память о том, как в первые века христианства, богослужения Вечери Господней состояли из двух частей.

На первой части присутствовали все желающие, на второй - только так называемые 'верные', т. е. только члены общины. Архаизмом, напоминающим об этой практике, звучит, ничего не производящий возглас перея православной церкви, во время литургии: 'Оглашенные изыдите' (т. е. готовящиеся к крещению - выйдите из храма в притвор).

Таким образом, возвешение смерти Иисуса Христа - это евангелизационная миссия святой Трапезы Господней, связанная со Словом, дающим всем жизнь, и жизнь с избытком.

В О С П О М И Н А Н И Е

Преломляя хлеб в памятную ночь Тайной Вечери и предлагая чашу, Христос заповедовал: 'Сие творите в Мое воспоминание' (1 Кор. 11. 24, 25). Эти слова Иисуса утверждают истину о том, что Его желание - сохранить память о Нем в сердцах последователей. Но возможна ли потеря памяти о Христе в Его учениках? Разве всякий истинно верующий, будучи членом Тела - Церкви Христа, имея постоянную связь с Главой посредством Духа Святого, не должен помнить и вспоминать о Христе постоянно, каждый миг своей жизни? Безусловно, каждый верующий, где бы он ни находился - на богослужении ли, на работе... в тихие минуты молитвы или на шумных городских улицах - везде должен вспоминать о Христе и жить Им. С этой

точки зрения Христу, казалось бы не следовало учреждать особое время и специальные ритуалы для воспоминания о Нем. Но Господь очень хорошо знал наше греховное естество. Не напрасно Он предупреждал Своих учеников: 'Бодрствуйте... дух бодр, плоть же немощна' (Мф. 26. 41).

К сожалению, люди, последовавшие за Христом, могут осуетиться и духовно задремать. Заботы житейские порой слишком поглощают верующих, и бывает, что проходят дни, а иногда и недели, - человек молится и, возможно, посещает богослужебные собрания, но за все это время он может ни разу не вспомнить о Христе. Воспоминания о Боге - Творце и пророках, Ангелах и Апостолах, о других самых важных истинах - не могут заменить воспоминания о Христе. *Носящим имя Христа должно в первую очередь вспоминать о Христе!* Зная наш состав и предвидя возможные уклонения, Иисус установил, чтобы воспоминание о Нем было зафиксировано в сознании учеников в том числе и видимыми материальными знаками - хлебом и чашей с вином, то есть тем, что в Палестине можно было встретить каждый день в каждом доме.

При этом Христос желал, чтобы Его последователи вспоминали не об одном эпизоде, а о всей Его жизни и о каждом событии в ней. Как отмечает протоиерей лютеранской церкви Самуэл Лехтонен: 'Воспоминание (крестной жертвы Христа - анамнезис, это нечто большее, чем воспоминание только страдающего Христа. Пасхальную трапезу нельзя отделить от истории спасения' (20). Наш Учитель желал, чтобы мы вспоминали Его проповеди и наставления, Его самоотверженное служение людям, Его молитвенную жизнь... Каждый шаг этой необыкновенно короткой, но потрясающе яркой жизни, прошедшей под девизом: 'Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих' (Мф. 20. 28) достоин постоянного внимания.

Вспоминая о Христе во время Вечери, следует иметь ввиду еще один очень важный аспект: мы вспоминаем о Нем не как об умершем и до сих пор находящемся во гробе Учителе (как это делали евреи при поминовении), но как о воскресшем и реально присутствующем среди нас Наставнике. Христиане первых веков вспоминали о Нем именно так, поэтому для богослужения с Вечерей Господней они собирались всегда в первый день недели, в который Христос воскрес, а не в пятницу, день Его смерти (Деян. 20. 7). Г. К. Тиссен пишет: 'Иисуса следует славить и вспоминать как Того, Кто всегда жив и Кто всегда присутствует среди избранных Его' (Мф. 28. 20), (21).

Таким образом, во время Вечери Господней христиане не только возвещают смерть Христа, но и особым образом вспоминают о всей Его жизни, страданиях, смерти и Его реальном присутствии на Вечери.

П Р И О Б Щ Е Н И Е

/причастие/

Вкушение является кульминационным моментом, в который хлеб и вино в чаше начинают воздействовать на принимающего и вызывают в его душе и сознании особые чувства, мысли и реакции. То есть, приобщение - это переходный процесс, связывающий духовное и материальное и, как и все подобные процессы, является самым трудным для восприятия и, таким образом, неизбежно вызывающим самые горячие богословские споры и дискуссии.

Для Апостола Павла было вполне очевидно, что заповедь хлебопреломления представляет собой явление, в котором соприкасаются два мира: мир видимый (материальный), представленный хлебом, и чашей и мир невидимый (духовный), в котором явлены Плоть и Кровь Христа. Поэтому Ап. Павел обращается к коринфянам со словами: 'Сами рассудите о том, что говорю; чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?' (1 Кор. 10. 15, 16).

То, что было так ясно и очевидно для Ап. Павла, оказалось затруднительным для последующих поколений христиан. Некоторые понимали (и до сих пор понимают) эту заповедь слишком материально, другие - слишком духовно. Это безусловно связано с тем, что в Вечери Господней содержится наряду с явлением объяснимым, - нечто таинственное и необъяснимое.

Возвещение смерти Христовой и воспоминание о Господе - это, если не вполне, то в общих чертах объяснимые и доступные человеческому разуму и рациональному способу познания стороны Трапезы Господней. Приобщение же Тела и Крови Христовой невозможно охватить рациональным, умственным познанием, так как это явление духовное, требующее соответствующего духовного (мистического) способа познания.

Одна сторона Вечери - Воспоминание и Возвещение - воспринимается людьми духовно. То есть, внимая возвещению смерти Христа, люди очами веры переносятся в Палестину, и своим внутренним духовным взором, не

видя никаких материальных объектов, способны соединиться со Христом, рассудить о том, как это произошло, почему, для чего, за кого. Этот духовный процесс *привычен*, а потому, если и не всегда понятен, все же воспринимается разумом без затруднений. Точно также, как люди привычно оперируют такими понятиями, как время и пространство, хотя никто не может объяснить и проникнуть в сущность этих категорий.

Таким образом, возникает некое противоречие: 'Воспоминание и Возвешение, как духовные (мистические) явления, не имеющие материального носителя, практически не вызывают трудности для рационального познания'.

Другая сторона Вечери Господней - Приобщение - обозначена материальными знаками - Хлебом и Чашей, но слова Христа безоговорочно утверждают о приобщении Его Тела и Крови (об этом же и говорит Ап. Павел 1 Кор. 10. 15, 16), то есть речь идет о соприкосновении материального и духовного. Никто не может объяснить, что происходит в духовном мире при вкушении хлеба и вина.

Эта невозможность определяется не тем, что люди мало знают, а тем, что описать словами, которые суть средства рационального познания, либо ощутить чувствами - средствами естественного душевного познания - явления духовные в *ПРИНЦИПЕ НЕВОЗМОЖНО!*

Таким образом, возникает второе противоречие: 'Приобщение, сопровождаемое материальными знаками (хлебом и вином), практически не поддается естественному рациональному познанию'.

До тех пор, пока люди, имея по-детски простую веру и доверие Спасителю, не пытаются разрешить эту антиномию и свести оба тезиса воедино на строго логической основе, - никаких недоразумений не возникает. Но как только они решаются перевести свою веру в определенные догмы - появляются различные крайности.

В исторических церквях (православной, католической) настолько превалирует мистическая сторона Вечери Господней, т. е. приобщение Тела и Крови Христа, что ее рациональная составляющая - возвешение смерти Христа и воспоминание о Нем - оказывается практически забытой и отвергнутой. Литургия или месса (т. е. богослужение с Вечерей Господней) в этих деноминациях превращается в набор ритуальных действий, в которых смерть Христа подразумевается и изображается таинственной символикой и образами, но не возвещается во всеуслышание как средство, приняв которое верою, грешник получает жизнь, а праведник подкрепление.

С другой стороны, в некоторых протестантских церквях Вечерю Господню сводят в основном к воспоминанию и возвещению страданий и смерти Христа. Это упрощенный подход, обедняющий святую заповедь и не формирующий у участвующих уровня веры, необходимого для того, чтобы, принимая хлеб и чашу сознавать, что они становятся причастниками невидимого Божественного естества. = *православия и логоса.*

Как же совмещаются Слова Иисуса Христа: 'Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине' (Ин. 4. 24) с Его обращением к хлебу: 'Приимите, ядите; сие есть Тело Мое' (Мр. 14. 22).

Рассмотрим две полярные точки зрения, утвердившиеся в современном богословии.

Православие и католицизм придерживаются так называемого догмата 'пресуществления'. Его истоки можно проследить в работах христианских авторов IV-V вв., хотя они не пользовались этим термином. До XI века церковь не выносила формального решения по этому вопросу.

Выражение 'пресуществление' впервые появляется у Петра Доминиани, а также у Стефана аутунского, но развили и довели его до крайности не мистики, а их антиподы - схоластические богословы - Фома Аквинский, Александр Галес, Альберт Великий и др. В греко-восточной церкви термин 'пресуществление' появился в переписке между папой Климентом IV и императором Михаилом Палеологом, в римском исповедании, предложенном папой. Однако прошли еще столетия, пока этот термин обрел церковную санкцию.

Сущность этого понятия в том, что во время молитвы священнослужителя, хлеб и вино в чаше превращаются в реальное, то есть материальное Тело и Кровь Христа. Так утверждает в 'Православном исповедании' (ч. 1, 'ответ на вопрос 56. Об этом же см. 'Послание восточного патриарха о православной вере', чл. 17): 'Хлеб и вино не иначе могут сделаться Телом и Кровью Господа, как только через пресуществление' (22). В таком понимании мистицизм исторических церквей переходит в свою противоположную крайность - в материализм. Духовные явления они пытаются перевести в осязаемые реальные объекты. Конечно, все это остается только теорией. Православие и католицизм предлагают верить в чудо там, где никакого чуда не происходит: вкус хлеба и запах вина до молитвы о пресуществлении и после нее остается такой же. Это с го-

речью признает доктор богословия, католик В. Малдонис, говоря о догмате Евхаристии: 'Все это намного превосходит реальную действительность того религиозного переживания, которое мы испытываем при вкушении Вечери Господней' (23). Первохристианские богословы и философы, хотя и говорили о реальности присутствия Христа на Вечери Господней, но в своих рассуждениях они не допускали столь явного непонимания той истины, к которой пришли исторические церкви спустя тысячелетия. Так, представитель одной из центральных богословских школ III века - Александрийской, знаменитый пресвитер Ориген (185 - 254 гг. по Р.Х.) комментируя место у Матфея (26. 26-28), писал: 'Ибо не этот видимый хлеб, который держал в Своих руках Бог-Слово, называл Своим Телом, но Слово, в таинстве которого этот хлеб должен был быть преломляем, и не винное питье назвал Своей Кровью, а Слово, в таинстве которого это питье должно было быть изливаемо. И чем другим может быть Тело и Кровь Слова, как не Словом, которое питает и веселит сердца?' (24). Тертуллиан, наиболее известный представитель противоположной - Североафриканской богословской школы (род. 160 - ум. 220 гг. по Р.Х.) писал следующее: 'Итак, и ныне кровь Свою заключил в вине Тот же, Который тогда вино преуказал в крови, как в образе'. И еще: '(Творец)... хлеба (не отвергает), которым представляет самое Свое тело' (25). Другой знаменитый александриец Климент (156-222 гг. по Р.Х.) очень осторожно высказывается о соприкосновении материального и духовного мира в Вечери Господней: 'Евхаристией... называется смешание двух предметов, именно *пития и Слова*... Дух соединяется с душой им носимой, плоть же со Словом, ради которой Слово стало плотью' (26). Св. Киприан, выдающийся епископ III века прямо писал Цецилию: 'Кровь Христова представляется вином, как это можно видеть из прообразов и из свидетельства всех Писаний' (27).

Схоластическое богословие раннего средневековья стало развивать догмат о пресуществлении в ответ на движение, возникшее в XI веке во Франции, которое подвергло сомнению вещественное присутствие Христа на Вечери Господней. Это были Фульберт, епископ шартрский и его знаменитый ученик Беренгарий Турский, который стал употреблять к Хлебу и Чаше понятия 'знак, образ, залог и подобие'. Его более осторожный последователь Ламбард принимал учение о пресуществлении, однако с оговоркой, что 'если мышь ест евхаристию, она ест не тело Христово, а что, следовательно, она ест - знает только Бог' (28). В то время, как Фома Аквинский в полемическом задоре прямо заявлял, 'что мышь, пожирающая евхаристию - ест тело Христово' (29).

Период Реформации был характерен острыми богословскими дискуссиями по поводу толкования именно этих слов Христа. Доктор Мартин Лютер утверждал в своих воззрениях действительное присутствие Христа в Вечери Господней, но вместо понятия 'пресуществления', ввел 'соприсутствие' (или 'импонация'), говоря, что Тело Христово воспринимается в хлебе, под хлебом и с хлебом. По его воззрениям, вне употребления хлеб и вино остаются просто хлебом и вином. Но на вопрос: 'Что такое таинство причащения?' Лютер в своем 'Кратком катехизисе', который и до настоящего времени действует в евангелическо-лютеранской церкви, отвечает: 'Это истинное Тело и истинная Кровь Господа нашего Иисуса Христа, под хлебом и вином установленные Самим Христом для ядения и питья нам, христианам' (31).

Лютеру резко противоречил Карштат, который утверждал, что в хлебе и вине Тело и Кровь Христа не присутствуют. Другие великие реформаторы - Цвингли и Эколампад также не соглашались с Лютером, отвергая 'соприсутствие' и понимая причастие только символически.

На знаменитой встрече, устроенной Филиппом Гессенским в своем замке в Марбурге в 1520 г., с присутствием Лютера, Меланхтона, Цвингли из Цюриха, Эколампада из Базеля и других реформаторов было принято '15 марбургских членов', в последнем из которых было сказано: 'В евхаристии есть истинное тело и кровь Христа, хотя и нельзя определить, существуют ли они телесно в хлебе и вине'. Таким образом, соглашения по этому вопросу достигнуто не было. Жан Кальвин не присутствовал на этой встрече. Однако он занимал среднюю позицию между Лютером и Цвингли, считая, что верующие воспринимают в хлебе и вине Плоть и Кровь Христа духовно. Также считает англиканская церковь, утверждая в XXVII члене своего вероисповедания: 'пресуществление хлеба и вина в евхаристии не может быть доказано Священным Писанием... Тело Христово преподается, приемлется и сдается в евхаристии только небесным и духовным образом'.

Взгляд на Хлеб и Вино, как материальную Плоть и Кровь Христа опроверг Сам Иисус. Видя смущение учеников от Его утверждения: 'Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную' (Ин. 6. 54) и зная человеческую способность овеществлять духовные явления, Господь тут же объясняет: 'Плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь' (Ин. 6. 63). То есть пользование этими словами должно быть духовное, а не плотское. Заметим также, что первое хлебопрелом-

ление происходило в присутствии Самого Господа, Плоть и Кровь Которого еще не были отданы за грех мира. Он, будучи в материальной плоти и имея материальную кровь, не разделился после молитвы на два материальных Тела, из которых - одним пользовался Сам, а другим насыщал учеников. Наконец, Апостол Павел в наставлении коринфской церкви указывает, что '... все причащаемся от одного хлеба' (1 Кор. 10. 17), то есть причащаются не от человеческого естества (Плоти) Иисуса, а от хлеба.

Таким образом, столь притягательная идея буквального понимания Хлеба и Вина как материальной, человеческой Плоти и Крови Христа не согласуется с Духом и буквой Евангелия.

Диаметрально противоположная точка зрения свойственна многим протестантам. Пересматривая веками нанесенные на Вечерю Господню человеческие измышления, они перечеркнули и очень важную грань истины. Г. К. Тиссен замечает: 'пытаясь избежать сакраментального и мистического значения присутствия Христа в этих элементах (в хлебе и чаше), некоторые утверждают, что служение хлебопреломления не является ничем более, как воспоминанием смерти Христовой' (30). Так думали духоборы, молокане и даже некоторые представители нашего братства, имеющие исторические связи с этими течениями.

Думающие так, утверждают, что Хлеб и Вино это символы Тела и Крови Христа. Фактически, слова Иисуса Христа, сказанные относительно хлеба и вина: 'Сие есть Тело Мое... сие есть Кровь Моя...' (Мф. 26. 26-28), они читают так: 'Сие есть символ Тела Моего и символ Крови Моей'. Но Христос не говорил так. Как евангелисты-синоптики, описывающие Тайную Вечерю, так и Ап. Павел совершенно одинаково передают слова Христа, Который сказал то, что хотел сказать, и если бы Он имел в виду нечто другое, то несомненно сказал бы другое.

В нашем братстве общепризнанным является мнение, что хлеб и вино - это материальные объекты, которые сами по себе не являются Плотью и Кровью Христа, но принимая которые, люди имеют возможность приобщиться к Его Плоти и Крови.

Такое понимание отвергает представление о хлебе и чаше, как о символах Тела и Крови Христовых, но делает приемлемым понимание хлеба и вина как их знаков. Это приводит к более тонкому и глубокому различию между символом и знаком.

В обыденном сознании слова 'символ' и 'знак' часто употребляются как синонимы. Однако полных синонимов практически не существует: каждое слово носит определенный смысловой оттенок.

Главный смысл понятия 'символ' в том, что это *условный*, произвольно взятый знак, обозначающий некую реальность (32). В то время как в слове 'знак' подчеркивается его сигнальное, указующее значение. Одно из значений 'знака' - 'это внешнее обнаружение, признак чего-нибудь' (33).

С этой точки зрения хлеб и вино на Вечери Господней это не символы, а материальные знаки, являющие собой реальность, а не условность и при этом точно соответствующие и указывающие на эту представляемую реальность. Следовательно, в тот момент, когда, как пишет Ап. Павел, мы 'все причащаемся от одного хлеба' (1 Кор. 10. 17), неведомым для нас образом происходит 'приобщение Тела Христова' (1 Кор. 10. 16). То есть здесь мы сталкиваемся с принципом вторичной, отраженной реальности.

Существует истинная Плоть и Кровь Воскресшего Спасителя, но на Вечери Господней присутствуют Хлеб и Вино, которые вполне отражают Истину и соответствуют Ей. Иллюстрацию этого принципа дает следующий пример. Банкноты, которыми мы пользуемся в повседневной жизни фактически являются обычными бумажками с нанесенными в типографии рисунками. Стоимость этих бумаг намного ниже цены обозначенной на них. Однако они вполне адекватно и точно отражают свою цену в связи с тем, что обеспечиваются золотом. Не являясь золотом, они соответствуют ему, и мы относимся к ним почти также, как относимся к самому золоту. Банкноты не являются символами, то есть условными произвольно выбранными обозначениями золота, как, например, в химии принято символическое обозначение золота, которое в действительности не адекватно самому золоту. Манипуляции с химическим символом золота не соответствуют манипуляциям с самим золотом. В то время как определенные действия с банкнотами равноценны с их оригиналом.

Конечно, это грубые сравнения, но они позволяют себе полнее представить как хлеб и вино не превращаются в Плоть и Кровь Христа, но по своему одухотворяющему и подкрепляющему действию вполне соответствуют Им и отражают Их. Бернард Клервосский, объясняя тайну Хлеба и Чаши как святых знаков, приводит в пример (в проповеди на праздник св. Мартина) перстень, который дают человеку для введения его в наследство. 'Сам перстень, - говорил Бернард, - не имеет высокой цены, но я получаю через него наследство; так и сегодня нам предлагается то же самое

Тело Христа, но, конечно, духовно, а не телесно'. Так же мыслил немецкий мистик Рупер Дейцкий, который сопоставляет присутствие Христа на Вечери Господней с учением о двух естествах в Нем - Божественном и человеческом. Современные богословы часто иллюстрируют присутствие Христа на Вечери подобием Его присутствия в Слове Божием - Библии, которая сама по себе являясь обычной книгой, отпечатанной в типографии, оказывает необычное действие на читающего.

Конечно, механизм соответствия Хлеба и Вина Телу и Крови Христа, момент, когда начинается это соответствие, и другие подробности Вечери Господней являются для нас необъяснимой тайной. Поэтому не случайно в реферате М. Я. Жидкова на 41-ом съезде ЕХБ, Вечеря Господня характеризуется как 'таинство' (34). В сочетании с формулой блаженного Августина, считавшего, что 'таинство - это видимая форма невидимой благодати' (35), Вечерю Господню можно считать '*Великим таинством веры*'.

Тайной для нас являются все пограничные процессы, происходящие на грани двух миров - видимого и невидимого. Никто не может до конца объяснить, что произошло с теми 5-ю хлебами, благословив и раздав которые, Христос насытил 5000 человек (Мр. 6. 41, 42). Но это не препятствовало народу есть хлеб. Великой благочестия тайной является акт боговоплощения (1 Тим. 3. 16). Действительно, рождение Бога в человеческой плоти невозможно вместить ограниченному материей человеческому разуму. Однако это не останавливает нас в вере. Всякий переход из мира духовного в материальный и наоборот является непостижимым и таинственным, как непостижима постоянная связь этих миров. Поэтому не стоит удивляться, что при догматическом объяснении Вечери Господней возникает много разномыслий и непониманий. Не случайно блаженный Августин как-то заметил: 'Таинству веры можешь верить спасительно, но исследовать его спасительно невозможно'.

Таким образом, вкушая хлеб и вино на Вечери Господней, истинно верующий необъяснимым действием Святого Духа приобщается Тела и Крови Иисуса Христа.

Поэтому на богослужениях следует всегда бережно и трепетно относиться к хлебу и вину, предупреждая участвующих не ронять крошек на землю, так, как это великая святыня Господня. Так же благоговейно следует относиться к оставшемуся от Вечери хлебу и вину разделяя их только между служителями, чтобы у участвующих не выработалась привычка легко и бестрепетно протягивать руку к этой заповеди.

Б Л А Г О Д А Р Е Н И Е

Вкусив хлеб и приняв чашу, каждый верующий становится непосредственным участником Вечери Господней, и таким образом, он своим личным опытом начинает переживать познание этого установления.

Одно из самых ярких и сильных чувств, которое вызывает в нем Вечеря Господня - это чувство великой *благодарности*. Поэтому в исторических церквях Востока за этим установлением с древности утвердилось название - Евхаристия, - благодарение. Уже само название 'Евхаристия' которым пользовался автор Дидахе, а также Игнатий Антиохийский и Иустин-мученик, очень четко определяет ее содержание в первохристианском смысле' (36). Действительно - 'возблагодарив' (1 Кор. 11. 24) - это первое слово, с которого началась Вечеря Господня в тайной иерусалимской горнице.

Благодарность - не есть чувство присущее только Вечери Господней. Некто сказал: 'Благодарение - это воздух, которым живет Церковь'. Это не только поэтичное, но и глубоко верное определение. Священное Писание призывает нас: 'За все благодарить' (1 Фес. 5. 18). Но благодарность, которую мы испытываем, вкушая Трапезу Господню, существенно отличается от обычной благодарности, которую возносят дети Божии в ответ на увиденные дела Отца Небесного.

Мы должны благодарить Господа за все благословения, которые Он изливает на нас. Мы также стараемся благодарить Его за те трудности, невзгоды и неприятности, которые случаются с нами, хотя порой это стоит серьезных усилий и благодарность далеко не всегда вырывается просто и естественно из изнуренной бедами души. Но крылья веры помогают подняться ввысь и возблагодарить за все, зная, что любящий Отец не допустит ничего такого, что не служило бы ко благу Его чад.

Но благодарение на Вечери Господней прежде всего отличается тем, что это есть первоначало всех благодарений. Оно не столько является благодарением за определенное даяние Божие, сколько благодарением за само положение верующего, как чада Божьего.

Благодарность на Вечери Господней - это, по выражению А. Шмемана - 'опыт рая'. Она как бы переносит нас к престолу, который видел Ап. Иоанн в Откровении, будучи, на о. Патмос, и соединяет с гимном, воз-

дающим славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, живущему во веки веков... (Откр. 4. 9). Это больше, чем благодарение безгреховного Адама, который видел Бога только как Творца и Вседержителя, по воле Которого все существует и сотворено, но это благодарение искупленного и усыновленного человека, имеющего опыт отступления и свободного избрания Бога.

Таким образом, участие в Вечери Господней неизбежно вызывает в человеке чувство глубокой благодарности Богу как Отцу за все, что Он совершил и еще совершит в мире Церкви Христовой: за весь тернистый путь к Небесному Иерусалиму, который начался от творения и прошел через грехопадение, возрождение и освящение. Эта благодарность прежде всего за отношение Бога-Отца к нам, людям, которое выразилось не в гневе, а в любви непостижимой. Любви, отдающей самое дорогое - Сына едиnorodного за отвергающих и ненавидящих Отдающего.

Но Вечера Господня - это благодарность не только Богу-Отцу, но каждому лицу Божественной Троицы. Участвуя в Вечери Господней, мы благодарим Христа за Его служение и за победу, совершенную на Голгофском кресте; мы благодарим Духа Святого за Его присутствие на земле, за Его воздействие на каждую душу, за наставление на всякую истину и за благодатную силу, делающую возможным наше христианство. При этом, благодарение должно проходить в евангельских границах: - 'Обращение к Отцу во имя Господа Иисуса Христа посредством Духа Святого'.

Это благодарение важно не только для участвующих в Вечери Господней, которых оно научает небесной песни Царства Божьего. Ведь обучаясь благодарить, мы учимся одному из самых важных дел, ожидающих нас в Вечности. Но благодарение имеет еще одну грань, оно соединяет видимую, страдающую и странствующую часть Церкви Христовой, которая еще не закончила свой земной путь, с торжествующим Собором святых, достигших вечности и с сонмом духовных сил, непрестанно славословящих Бога.

Отзвук такого понимания сохранился почти во всех дошедших до нас из глубин христианской истории гимнах Евхаристии. Как в католической мессе, так и в православной литургии, имеется часть, озаглавленная 'Санктус', то есть 'свят, свят, свят', где возглашается:

'Благодарим Тебя... о всех ведомых
И неведомых благодеяниях, бывших на нас,
Благодарим Тебя и об этой службе,
которую Ты изволил принять из наших рук,

Хотя и предстоят Тебе
Тысячи архангелов и тьмы ангелов,
Херувимы и Серафимы, шестикрылые и многокрылые,
Воспаряющие, окрыленные,
Поющие, вопиющие, зывающие,
Глаголящие победную песнь
Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф' (37).

С другой стороны, благодарение, посрамляет мир греха и богопротивления, как видимый, так и невидимый мир духов злобы поднебесной. Посрамляет потому, что грех есть нарушение естественного состояния благодарности, изначально присущего творению Божию, а поэтому грех, как *и зло в сути своей - неблагодарность*. И если на любые даяния Божии Церковь отвечает благодарением, то это есть громогласное обличение мира греха, который те же самые даяния принимает как нечто естественное, само собой разумеющееся, и вызывающее часто вместо благодарности сквернословие, ненасытимую жадность и недовольство тем, что мало Бог дает, не то Бог дает, не так Бог дает, не тому Бог дает...

Отец Небесный повелевает Солнцу всходить над землею, над злыми и над добрыми; блага Свои Он дает праведникам и грешникам (а иногда грешникам Он дает даже больше земных благ: Пс. 72); жертва Христа распространяется на всех живущих в подлунном мире. Но как мала часть людей, которые благодарят за все это! И как велика будет вина неблагодарности тех, кто отказывался благодарить!

Таким образом, в еще невидимую для нас картину мира, разворачивающуюся пред очами Божьими, каждая проведенная Церковью Вечера Господня вписывает, с одной стороны, новые благословения и славословия Богу, а с другой стороны - обличение и осуждение богопротивникам.

О Б Щ Е Н И Е

/коммунион/

Вечера Господня устанавливалась Христом и всегда проводилась не как индивидуальная, личная, а как общая, совместная трапеза. Немыслимо, чтобы она проводилась как принятие хлеба только для себя. Совместное же вкушение хлеба - всегда представляет собой общение.

Народы Востока отличались особым гостеприимством, и, как указывается в статье 'Обычаи и нравы Палестины в жизни Христа' - любые трапезы были проводимы там для общения. 'Гости сидели на полу, близко друг к другу, вокруг низкого стола, ели из маленьких и больших блюд. Если количество гостей неожиданно увеличивалось, то круг просто расширяли, в противном случае, все сдвигались теснее. Именно это тесное общение в кругу и создавало между друзьями истинное чувство братства' (38). Поэтому такой наивностью для европейца, но непостижимым трагизмом для иудея, звучат слова 40-го Псалма, которые процитировал Иисус Христос во время последней Тайной Вечери: 'Ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пядь свою' (Ин. 13. 18). Для современных людей, в предательстве человека, вкушающего совместную трапезу, нет ничего необычного, но для евреев это было невероятно и удивительно, потому что евреи не приглашали недругов к совместной трапезе и наоборот, участвующие в ужине, никогда не выступали против пригласивших (39).

Но даже присутствие предателя не исказило главное содержание Пасхальной Трапезы. Христос с мудростью великого Учителя сумел превратить ее в истинное общение. Это было общение учеников с любимым Наставником, а также их общение друг с другом. Сколько замечательных уроков они получили в тот вечер! Сколько таинственных и непостижимых истин было им открыто!

Кульминацией их общения несомненно был момент, когда Христос преломил хлеб и подал его ученикам. 'Невозможно представить, чтобы Спаситель Сам лично дал каждому ученику отломанный кусочек хлеба, потому что некоторые из них находились на довольно большом расстоянии от Него. Раздача хлеба была бы нам понятна, если бы Он наломанные кусочки положил на тарелку, и каждый брал бы оттуда свою долю... Один ученик передавал тарелку с хлебом другому, пока все не получили своей доли' (40). Эти действия подчеркивают значение Вечери Господней как общения. Не случайно в качестве наиболее употребляемого названия этой заповеди в Западной Церкви применяется слово 'коммунио', то есть общение.

Общение начинается с того момента, 'когда вы собираетесь в церковь...'(1 Кор. 11. 18). Так начинает наставление о правильном проведении Вечери Господней Ап. Павел. 'Собраться в Церковь, - в понятиях раннего христианства, - пишет Г. Дикс, - значит составить такое собрание, цель которого выявить, осуществить Церковь' (41). То есть, это

не просто войти под кров молитвенного дома и вступить в беседу с братьями и сестрами. 'Вы, - говорит Апостол, - тело Христово, а порознь - члены' (1 Кор. 12. 27). Выявить и засвидетельствовать перед миром и перед Богом тайну Церкви призвано любое богослужение, но особенным образом это проявляется в собраниях, на которых совершается Вечеря Господня.

В исторических церквях, как с горечью указывает протопресвитер А. Шмеман, 'евхаристия давно уже не воспринимается как общение и соединение друг ко другу' не только простыми верующими, но и богословскими определениями. Она стала сугубо индивидуальным 'средством личного освящения', к которому каждый прибегает или от которого каждый воздерживается в меру своих личных и по-своему понимаемых 'духовных нужд', настроенности, подготовки и т. д. (42).

К большому сожалению, численный рост церквей нашего братства также разрушает то живое общение, которым славились наши общины 50-80 лет тому назад. Истинное общение должно начинаться с личного знания нужд и потребностей каждого верующего и кончается общими молитвами и единокорным 'Аминь'.

Один из крупнейших знатоков исторической обстановки первохристианства У. Баркли пишет: 'Для нас обычно ужин не является главной трапезой дня. В греческом же оригинале употребляется слово *дейпнон*. У эллинов завтрак состоял из ломтиков хлеба, обмакнутого в вино, обед они ели где угодно, даже на улице или в городском сквере, а *дейпнон* - ужин, представлял собой основную трапезу дня: люди усаживались без всякой спешки, и не только утоляли свой голод, но и подолгу говорили друг с другом. Само греческое название этой трапезы показывает, что люди подолгу засиживались, проводя время в обществе друг друга. Церковь, в которой пренебрегают долгом делиться друг с другом - не истинная церковь' (43).

В условиях современного общества, пропитанного индивидуализмом и обособленностью, замкнутостью каждого и столь вожделенным невмешательством, - в общинах нашего братства надо все настойчивее напоминать о необходимости живого общения, и главным средством в восстановлении этого общения должна послужить Вечеря Господня.

Но главный смысл общения Вечери Господней заключается не в общении друг с другом, а в общении каждого и всех вместе с Господом Иисусом - Главой вселенского Тела Церкви.

Это общение происходит не с 'историческим Христом', то есть это не простая работа воображения; это не мысленное общение с Учителем, который некогда жил, учил и страдал, а сейчас отсутствует. На Вечери Господней происходит таинственное, непостижимое общение с живой, реальной, воскресшей Личностью. Г. К. Тиссен пишет: 'Вечеря Господня - это общение со Христом и с искупленными Его. Это время уединения, когда искупленные собираются для общения вокруг Иисуса Христа... Христос является невидимым Хозяином этой трапезы' (44).

Общение на Вечери Господней преследует многие цели, главная из которых - это *единение*, то есть, с одной стороны - это снятие разногласий, притирание друг ко другу, а с другой стороны - это выявление и отделение от себя всего неверного, греховного, порочного.

Именно в таком двустороннем аспекте следует понимать единение, столь вождеденное для нас и для нашего Господа.

Единство, осуществляемое Вечерей Господней, не предполагает бездумное, формальное объединение, примирение, которое закрывает глаза на взаимные недостатки. Единение в Вечери Господней представляет собой диалектическое единство, предполагающее в самом понятии разделение и отделение. Не напрасно Христос сказал: 'Я пришел разделить человека с отцом...' (Мф. 10. 35). Разделение, о котором сказал Христос, происходит в том случае, когда одна сторона держится за грех и не желает отделиться от него. Единство со Христом предусматривает в качестве обязательного условия разделение с миром греха и зла, отделение от скверны, похотей, греховных страстей и привычек, то есть **ЕДИНСТВО В СВЯТОСТИ**. Ради этого единства и происходит общение детей Божиих друг с другом и со Христом во время Вечери Господней.

На единство прообразно указывает вознесенный для благословения хлеб, представляющий собой нечто единое и завершенное. 'Как множество зерен, - отмечается в 'Догматике' нашего братства, - собранных вместе и прошедших через мельничные жернова и огненную печь, составляют один хлеб, так и многие верующие огненными страданиями Христа соединены воедино, составляют одно Тело Господа нашего Иисуса Христа. Как виноградный плод, прошедший точило, стал вином, так Христос, прошедший точило страданий с Гефсиманского сада до Голгофского креста, пролил Свою святую Кровь для очищения всех грехов наших' (45). Поэтому, когда мы принимаем кусочек того же хлеба, что и брат, стоящий рядом, - можем ли обижаться на его, возможно, неосторожно сказанное слово или неосмотрительный поступок?! Ведь мы вкушаем общую трапезу - один хлеб!

Общение, происходящее во время Трапезы Господней, охватывает не только присутствующих, но и отсутствующих в настоящий момент членов невидимого Организма Христа. Общение с Главой Тела - Иисусом неизбежно указывает на общение с каждой клеточкой этого Тела.

Верой мы созерцаем Трапезу, в которой с нами участвуют Апостолы и Христос, первохристианские мученики и многие поколения истинных чад Божиих, прошедших земные испытания. Верой сознаем, что тот же Христос в то же время разделяет Трапезу в другом уголке земного шара, в общине, в которой мы лично не знаем ни одного члена. Но Христос объединяет всех нас и дает чувствовать плечи друг друга. Его дух действует в каждом, и потому такое объединение становится возможным и реальным с вселенской точки зрения в невидимом духовном мире. Можно согласиться с резюме, принятом на богословском собеседовании в г. Загорске: 'В Евхаристии участвует с нами вся Церковь Христова. Уверенность в ее участии мы имеем потому, что Церковь есть Тело Христа' (46).

Итак, Вечера Господня утверждалась, как общение и происходит, как общение. Она установлена, чтобы обновлять наше единство со Христом и друг с другом, независимо от того - видим ли мы один другого плотскими очами или нет. Следовательно, Вечера Господня - *это Трапеза мира и единства.*

О С В Я Щ Е Н И Е

В послании к Коринфской церкви Ап. Павел указывает на освящающее действие Вечери Господней: 'Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает' (1 Кор. 11. 28-30).

В этих словах предстает уже не общецерковная, эkkлезиологическая сторона Вечери Господней, а глубоко индивидуальная, или как теперь говорят - экзистенциальная ее особенность. Можно бесконечно удивляться Божественной премудрости, которая так тесно связала в одном установлении приобщение к церковному, вселенскому началу и пристальное внимание к личному, частному, персональному положению каждого участника.

Вкушение Трапезы Господней производит личное очищение и освящение каждого члена Тела - Церкви Христовой путем отделения от греха чрез отсеменение неугодных Господу проявлений и чувств, а так же с духовной стороны совершает укрепление в благодати.

С глубокой древности в Церкви утвердилось признание освящающего действия Вечери Господней. Однако с развитием представлений о пресуществлении, повсеместно насаждался упрощенный, поверхностный взгляд, приписывающий освящающую и очищающую способность самому хлебу и вину, которые вкушаются на Вечери. Такой взгляд на основании слов Христа: 'Сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов' (Мф. 26. 28) до сих пор сохранился в исторических церквях. Доктор Мартин Лютер, отвергая такое представление, указывает, что 'не телесным ядением и питием осуществляется оставление грехов, но Голгофской жертвой Иисуса Христа, воспринимаемой верой участвующего' (47). Это точное евангельское определение, так как освящение не происходит сакрально и 'автоматически', без участия самого человека. Но как конкретно проявляется вера участвующего?

Ап. Павел говорит, что человек желающий участвовать в Вечери Господней должен прежде испытать себя, готов ли он? Если он в конфликте с кем-нибудь, если он совершил сознательный грех или пребывает во грехе до сего часа, то, испытав себя, он должен непременно покаяться: - не просто оплакать свой грех, но волевым актом, с Божьей помощью, оставить его. Раскаявшись и оставив, таким образом грех, чадо Божие взойшло на новую ступень освящения. Если же человек не раскаялся и вкушает от Хлеба и Чаши, то для его же блага Бог вынужден допустить к нему болезнь, немощи и страдания плоти. И рука Божия будет тяготеть над человеком до тех пор, пока он не раскается и не станет чище и святее. Непреложная воля Божия заключается в нашем постоянном освящении. Если люди уклоняются от освящения, то Бог снова через страдания направляет их на этот путь.

Возникает парадоксальная ситуация: приобщение Плоти и Крови Христа, имеющее живительное действие, оказывается для некоторых болезненным, а порой и смертельным. Возможно ли это? Оказывается, - да. Ветхий Завет содержит аналогичный прообраз: Бог дал израильскому народу Свой Закон. Закон был свят, добр, но справедлив. И произошло нечто по-человечески необъяснимое: 'Заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти' (Рим. 7. 10) - пишет Ап. Павел от имени всех евреев. Но разве

заповедь виновна в этом? Конечно нет. Виновен сам человек, в котором живет грех. 'Неужели доброе сделалось мне смертоносным? - продолжает Павел, - Никак... ' (Рим. 7. 13).

В некотором смысле такое же происходит с Вечерей Господней. Живительная сила Христа иногда оказывается смертоносна для плоти. Но виновен в этом сам человек, если он не испытает себя, а называясь именем Христовым, остается в недостатках и костенеет во грехах. Поэтому результат вкушения хлеба и вина на Вечери Господней иногда представляет собой картину, описанную Ап. Павлом в послании к Коринфской церкви: 'Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает' (1Кор. 11. 30).

Подсознательно чувствуя такое очищающее действие Вечери Господней, многие верующие, зная за собой нечто, уклоняются от участия в ней. Если это делается для того, чтобы примириться или исправить свои пути - это вполне оправданное и желательное самоотстранение. Но если человек ничего не исправляет в своей жизни и не думает исправлять, но, чувствуя возможность наказания от Господа, уклоняется от Него, то он подобен больному не желающему лечиться. Лучше для человека подвергнуться наказанию от Господа здесь, на земле, и в страданиях плоти войти в Царство Небесное, чем, уклонившись от наказания, безболезненно прожить земную жизнь и оказаться вне врат вечности. Поэтому Ап. Павел пишет: 'Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром' (1Кор. 11. 32, 33). Таким образом, не следует без крайней необходимости воздерживаться от участия в Вечери Господней!

В этом смысле большой интерес представляют слова, записанные в древнейшем церковном документе: 'Учении Господа через 12 апостолов'. В заключении евхаристических молитв председатель собрания говорил: 'Кто свят, да приступает к сему, кто нет - да покается. Маранафа. Аминь!' (48). Как часто в наших собраниях почти дословно повторяется первая часть приведенных слов, но вместо призыва к немедленному покаянию и исправлению (так как Господь грядет) предлагается воздерживаться от участия! Так говорить не следует.

Освещающее действие относится не только к тем, кто явно согрешил, но ко всем участвующим в Вечери Господней, ибо 'все мы много согрешаем' (Иак. 3. 2). Поэтому все без исключения перед Вечерей Господней должны предстать пред Господом в духе особого покаяния и сокрушения,

дабы не подвергнуться наказанию от Него. Для этого полезно служение, предваряющее Вечерю Господню, проводить в посте и молитве о покаянии и пробуждении самой церкви, и учить всех членов общины каяться наедине с Богом, за закрытой дверью в своей комнате; просить прощения за свои проступки и прегрешения.

М. Лютер в своем гимне Вечери Господней так писал о подготовке к участию в ней:

Такая великая милость и жалость
Ищут, чтоб сердце грешника сжалось,
Если же ты доволен своим -
Не место тебе за столом Моим.
Если ты сам себе можешь помогать,
Для чего Мне было за тебя умирать?

Как известно, освящение - это не только очищение. По учению Священного Писания, освящение - это, с одной стороны, - отделение от греха (т. е. очищение), а с другой - приближение к Богу, укрепление в благодати.

Послание к Евреям призывает нас: 'Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам **НЕ ИЗНЕМОЧЬ И НЕ ОСЛАБЕТЬ** душами вашими' (Евр. 12. 3). Из этих слов видно, что одно из главных назначений размышления об Иисусе Христе, составляющее стержень Вечери Господней, в том, что верующие могут получить в этом действии практическую помощь в минуты изнеможения и духовной слабости.

Многие чада Божии испытали это в своей жизни и свидетельствуют, что в минуты искушения и духовной опустошенности, когда Библия становится неинтересна, молитва слабеет и не хочется видеть даже близких братьев, - воспоминание и размышление о страдающем вместо меня Иисусе дает живительную силу уставшему внутреннему человеку. Поэтому, совершающие преломление хлеба и благословение чаши должны обращать самое серьезное внимание всех присутствующих на возможность получения силы в глубоком и сердечном размышлении о жизни и смерти Христа. Таким образом, Вечеря Господня приближает к Иисусу.

Кроме того, на одну из очень важных сторон участия в этой Трапезе указал Сам Иисус Христос говоря: 'Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем' (Ин. 6. 56). То есть, приобщение Плоти и Крови Христовой, это одно из средств *укрепляющих пребывание чада Божьего во Христе.*

Нам хорошо известно и понятно главное средство, с помощью которого верующий пребывает во Христе - это 'соблюдение слова Его' (1 Ин. 2.5), то есть исполнение всех Его заповедей: пребывание в любви, в учении Христовом, в общении со святыми и т. д. Однако слова Иисуса Христа о приобщении Его Тела и Крови, как средстве получения силы и укрепления в благодати, как бы духовно их ни истолковывать, неизбежно приводят к мысли о существовании глубочайшей тайны, окружающей Вечерю Господню.

Для рационального ума непостижимо: как участие в Вечери Господней способствует освящающему укреплению благодати? Но не напрасно основатели евангельско-баптистского братства в России единодушно, но без особого объяснения, придерживались понятия о Вечере Господней, как о 'средстве благодати', то есть излюбленного выражения великих протестантов и реформаторов.

Н. И. Высоцкий, анализируя чудо насыщения 5000 людей хлебом и чудо насыщения бесчисленного множества верующих духовным хлебом, писал: 'Свойство Божьего хлеба: живить людей, питать, поддерживать в них духовную жизнь ... Христос сказал о Себе: 'Я - хлеб живой, спешший с небес: ядуший хлеб сей будет жить вовек!' (Ин. 6. 51, 58). Нам неизвестно как происходило умножение физического хлеба, также неизвестно как происходит укрепление верующего хлебом духовным, но учитывая, что 'Слово, которое Я сказал, (т. е. в редакции Иисуса Христа) будет судить мир, будем осторожны в своих выводах и заключениях, если они расходятся с ясными словами Господа' (49).

Таким образом, хотя освящающее действие Вечери Господней - одно из самых таинственных и непостижимых, но Священное Писание и опыт Церкви говорит, что выполнение этой заповеди производит отделение от греха (то ли через покаяние, то ли через страдания плоти) и укрепление в благодати через размышление о Христе и приобщение к небесному Хлебу, принимая Его видимые знаки.

З А Л О Г Г Р Я Д У Щ Е Г О

Иисус Христос, устанавливая Вечерю Господню, произнес: 'Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего' (Мф. 26. 29).

Таким образом, участие в этой трапезе возбуждает и обновляет 'эсхатологическую надежду христиан'.

Вечерю Господню часто называют 'Трапезой Царства' и это не случайно, ибо открывает нам виденье грядущего Царства Небесного, в котором произойдет окончательное обновление всего существующего в мире. В этом смысле Вечеря Господня - предвкушение этого желанного Царства. По выражению проф. А. Т. Николайнена: 'Каждая современная Евхаристия в определенном смысле является 'предпоследней', так как следующая может быть полным торжеством в Царстве Божьем' (50).

Следующая трапеза может быть тем торжеством, на которое указывал Господь Иисус Христос Своим ученикам: 'И Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем...' (Лк. 22. 29, 30). Поэтому А. Шмеман определил Вечерю Господню как: 'таинство пришествия воскресшего Господа, таинство встречи и общения с Ним за Его трапезой, в Его Царстве...' (51).

Таким образом, Вечеря Господня напоминает и являет всем собравшимся зарю таинственного, предвечного Царства Божия, указывает на необходимость подготовки к этому Царству, осуществляет движение и восхождение Церкви к Нему. Именно в такое русло направляют нас слова Ап. Павла, указывающие, что совершать эту трапезу здесь на земле Церковь Христова будет 'доколе Он придет!' (1 Кор. 11. 26).

Христианство с первых веков своего существования, видело в Вечере Господней не только чаяние и надежду будущего Царства Божия, но и залог грядущего искупления человеческой плоти, подаваемый в зримой, осязаемой форме.

Игнатий Богоносец, ученик Ап. Иоанна Богослова, писал о докетах (еретиках своего времени): 'Полезнее было бы им участвовать в Евхаристии, чтобы и воскреснуть' (52). В постановлении 1-го Вселенского Собора есть указание, что участвующие в Вечери Господней: 'должны верить, что это знамение нашего воскресения' (53). Еще более определенно высказался святой Ириней: 'Как земной хлеб, через призвание на него Бога, уже не есть обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из земного и небесного; так и тела наши, приобщаясь к Евхаристии, уже не суть тленны, но имеют надежду воскресения' (54).

Что кроется за этими словами?

С момента грехопадения человек оказался в рабстве греха и смерти. И единственный путь к воскресению и жизни открыла Голгофская жертва Иисуса Христа. Она является достаточной не только для искупления всех людей, живущих на протяжении всей истории земли, но и для выкупа всего трехсоставного человеческого естества - духа, души и тела.

Крестная смерть Христа произошла в определенный исторический момент, однако переход из рабства греха в удел Божий происходит в разное время. Другими словами, хотя выкуп объективно был совершен 20 веков назад - субъективно день искупления для каждого человека, это день его покаяния и обращения к Богу (Еф. 4. 30). Но в этот день реальностью становится искупление только человеческого духа и души, потому и написано, что 'мы (верующие) в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего' (Рим. 8. 23). Следовательно, искупление тела для людей еще не стало реальностью, хотя цена этого искупления уплачена на Голгофе.

Бог намеренно разделил реальность человеческого искупления на две фазы, дабы наш дух и душа могли усовершенствоваться в борьбе со грехом, живущим во плоти. Это хотя и приводит к вздохам и восклицаниям: 'Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?' (Рим. 7. 24), но вместе с тем учит постоянно обращаться к Богу и благодарить Его за помощь (Рим. 7. 25). Однако наступит момент, когда Господь Иисус 'уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его' (Фил. 3. 21). Это будет в момент второго пришествия Иисуса Христа и восхождения Церкви. Не напрасно предстоятель собрания в первые века христианства молился над хлебом: 'Как этот преломляемый хлеб быв рассеян по холмам и, будучи собран, сделался единым, так да соберется церковь Твоя от концов земли в царствие Твое' (55). В тот оный день, когда 'мертвые (во Христе) воскреснут нетленными, а мы изменимся' (1 Кор. 15. 52), Бог не создаст нам новое тело, независимое от прошлого, но тленное тело пресуществится (только в этом случае этот термин справедлив), изменится и станет нетленным. Как пишет Ап. Павел: 'Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему - облечься в бессмертие' (1 Кор. 15. 53). Таким образом существует определенная связь между нашим настоящим телом и телом будущим. Поэтому христианство проповедует воскресение тел, а не сотворение Богом новых тел.

Чтобы распространить искупление не только на дух и на душу, но и на тело, Иисусу Христу необходимо было пострадать не только душой (то есть отдать жизнь) и духом (пережить духовную разлуку с Богом: 'Отче, для чего Ты оставил Меня?'), но и принять плоть, и пострадать ею: 'А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные...' (Евр. 2. 14). То есть, для уничтожения греха во плоти Бог пос-

лал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех. Христова Плоть - это единственная Плоть, которая победила смерть и восторжествовала над тлением. И поэтому, приобщаясь Плоти и Крови Христа при вкушении хлеба и вина, люди присоединяются к Христовой победе над смертью. И как смерть не смогла удержать Господа нашего, так она не сможет удержать и наше тело в день пришествия Иисуса Христа за своими искупленными. Поэтому, принимая хлеб и вино, а в духовном мире в это время верою приобщаясь Плоти и Крови Христа, дети Божии получают наглядный залог будущего искупления собственной плоти. 'Итак мы видим, что преломление хлеба обращено не только в прошлое, к тому, что Иисус Христос совершил для нас, но и в будущее, к тому, что Он еще совершит для нас' (56).

Вечера Господня как предвкушение Трапезы Царства Небесного должна восприниматься не только в чисто эсхатологическом смысле, то есть в плане будущих конечных судеб мира и человека. Она уже сейчас является реальностью Царства Божия, присутствующего на земле в сердцах искупленных чад Божиих.

Мы не только ждем обновления мира, но как отмечают в заключительном докладе Комиссии 'Вера и Устройство': 'Признаки этого обновления присутствуют в мире везде, где Божественная благодать проявляется и где люди трудятся для справедливости, любви и мира' (57).

Фактически участие в Вечере Господней не только напоминает нам о грядущей Трапезе в Царстве Небесном, но и заставляет задуматься над своим состоянием, чтобы не быть извергнутыми из этого Царства, и, с другой стороны, предпринять активные усилия, чтобы приблизить это Царство; потрудиться, чтобы распространить его шатры в мире уже сегодня. Как замечают авторы документа 'Лима-82': 'Евхаристия показывает нам, что наше поведение, наши поступки не всегда на высоте пред лицом примиряющего присутствия Божия в человеческой истории; мы непрерывно стоим пред судом из-за постоянной несправедливости всякого рода в нашем обществе; из-за многочисленных разделений на почве человеческой гордыни; из-за материальных интересов и власти политики... Вечера Господня - постоянный вызов в поиске нормальных отношений в общественной, экономической и политической жизни' (58).

Таким образом, Вечера Господня как залог Грядущего являет истинный свет, идущий, по выражению Н. Бердяева, не только из прошлого, но и от будущего (59), и тем самым она укрепляет нас в созидании Царства Небесного.

Рассмотрев основные составляющие догматической сущности Вечери Господней, - можно только в молчании склонить голову пред величием этой святой заповеди, удивительным образом связывающей с одной стороны - прошлое, настоящее и будущее; а с другой стороны - Господа Христа со всеми Его последователями всех времен и народов. Трапеза Господня является, таким образом, точкой пересечения горизонтали, - то есть совокупности всех людей, составляющих Тело Христово и вертикали - то есть связи Христа со всеми Его последователями.

Итак, Вечеря Господня имеет благовестнический характер **ВОЗВЕЩЕНИЯ**; возбуждает **ВОСПОМИНАНИЕ** об Иисусе Христе; **ПРИБЛИЖАЕТ** детей Божиих Телу и Крови Христовой; производит **БЛАГОДАРЕНИЕ**; несет эклезиологический характер **ОБЩЕНИЯ**; участвует в **ОСВЯЩЕНИИ**; и являет эсхатологический **ЗАЛОГ ГРЯДУЩЕГО** Царства Небесного. Таковы с е м ь неразрывных сторон, составляющих главный внутренний смысл Вечери Господней.

(Или - через "вскрешенный жертво" или "жертво-Трапеза")

У С Л О В И Я Д Е Й С Т В Е Н Н О С Т И

Рассуждения о внутреннем смысле Вечери Господней раскрывают грандиозное величие такого простого установления, как преломление хлеба и принятие чаши с вином. Однако не все присутствующие на богослужении пользуются этим сокровищем. В каких же случаях Вечеря Господня оказывает свое действие? От чего зависит ее действенность? Другими словами - что необходимо предпринять или иметь, чтобы актуализировать, то есть превратить в реальность внутренний смысл, заложенный в этой великой заповеди?

Под влиянием, столетиями насаждаемого догмата о пресуществлении, в сознании большинства простых людей, мало знакомых с Евангелием, богослужение с Вечерей Господней превратилось в магический культ, то есть в набор ритуальных действий, в результате которых хлеб и вино в чаше превращаются в истинное Тело и Кровь Христа. Этому способствовали многочисленные споры, сопровождавшие становление так называемой 'доктрины о консекрации' - о тайносовершительной формуле, посредством которой хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. Такой формулой западное, католическое богословие считает установительные слова Христа на Тайной Вечери, восточное - 'эпиклезу', то есть молитву с призыванием Святого Духа.

Однако бесспорным исторические церкви признают, что действия Вечери Господней реализуются при правильно совершенных обрядах и при условии, что их совершал правильно рукоположенный служитель. Такой 'автоматический', безучастный для принимающих Вечерю подход, превращает религию в ее противоположность - в магизм, согласно которому силы духовного мира можно подчинить себе, ими можно владеть и управлять, для чего необходимо только найти и правильно применить нужное слово, формулу, обряд (60).

Евангельский взгляд на действенность Вечери Господней является в корне противоположным, хотя и в исторических церквях в настоящее время наблюдается возвращение к первохристианскому пониманию этого вопроса. Евангельская позиция предполагает единство двух сторон: Божественной - через действие Святого Духа и человеческой - через искреннюю веру участвующих. Местом встречи и средством, взаимоувязывающим обе эти стороны, является Слово Божие.

Согласно обещанию, которое Господь оставил в Своем Слове: 'Где двое или трое собраны во имя Мое, там я посреди них' (Мф. 18. 20), а также: 'Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам' (Ин. 14. 21), распятый и воскресший Христос реально присутствует с нами на Вечери Господней благодаря действию Святого Духа. 'Реальное присутствие Христа во время Вечери я вижу в том, что мы вспоминаем Того, Кто сегодня жив' - отмечал М. Я. Жидков (61). То есть среди нас присутствует сам Христос в невидимом воскресшем теле, и мы имеем с Ним личную встречу в совершении Его заповеди.

Дух Святой не только делает для нас возможной встречу с воскресшим Спасителем, но Он же актуализирует всю Вечерю Господню. Именно Дух Святой раскрывает доступ ко всей многолетней сущности этой Трапезы: Он умиляет сердца при ВОЗВЕЩЕНИИ, оживляет ВОСПОМИНАНИЕ, делает реальностью ПРИОБЩЕНИЕ, вызывает БЛАГОДАРЕНИЕ, осуществляет ОБЩЕНИЕ, производит ОСВЯЩЕНИЕ и вручает ЗАЛОГ ГРЯДУЩЕГО.

Таким образом, фактически Дух Святой является совершителем Вечери Господней. И происходит это не в ответ на правильность действия предстоятеля, а при условии правильности всего собрания. Если собрание происходит во имя и во славу Христа, ради Него и с любовью к Нему - то Дух Святой обязательно превратит собрание с преломлением хлеба и принятием чаши в истинную трапезу Господню.

Эта истина отчетливо прослеживается в первохристианском богословии, далеком от споров о тайносовершительной формуле. Блаженный Августин писал о хлебе и вине, что они 'будучи делом рук человеческих по своему видимому образу, не иначе освящается в великое таинство, как только невидимым действием Духа Святого (62).

Однако действенность Вечери Господней в целом, еще не гарантирует ее реальности для каждого присутствующего. В самом духовном собрании во имя Христа может найтись человек, который так и останется безучастным к происходящему и не подвергнется действию Святого Духа. Чем это определяется? *Индивидуальной волей человека, проявленной в его вере.* Поэтому Ап. Павел учит, что приступать к Вечери следует с полной верой (Евр. 10. 22).

Верой мы принимаем все слова Божии, и только посредством веры они актуализируются в нашей жизни. Прощение грехов, освобождение от рабства зла и тьмы люди получают по их свободному волеизъявлению через веру. Так же они усваивают для себя все обетования Божии. Но эта вера

не есть явление суггестивное, то есть полученное в результате самовнушения или внушения извне. Сколько бы человек не пытался внушить себе, что он здоров, что Христос исцелил его, но если реального исцеления не произойдет, то такая внушенная вера способна только обмануть его и дать временное успокоение.

Вера, по Священному Писанию, это не просто глубокая убежденность, трезвая уверенность в невидимом, в еще неосязаемом а потому недоступном, но вера - это в первую очередь - 'осуществление ожидаемого' (Евр. 11. 1). Это некое внутреннее, духовное действие, которое формируется не путем внушения, а возрастает на почве, с одной стороны - осознания, а с другой - априорного, еще не подтвержденного опытом нания свыше. Не напрасно в наших молитвах часто употребляется выражение 'руки веры'.

Именно такую, действенную, веру должен иметь каждый участник Вечери Господней. Простирая такую веру к Богу, христианин как бы прокладывает канал, посредством которого Дух Святой проникает сквозь окружающую каждого человека пелену враждебных Богу поднебесных сил, во внутреннее естество человека, и таким образом, Богу представляется беспрепятственная возможность совершать в человеке непостижимые для разума процессы приобщения Тела и Крови Христовой, вызывать в нем благодарение, привлекать к общению и т. д. Так понимали эти процессы все протестанты и реформаторы как на Западе, так и в нашей стране. Например, один из наиболее известных богословов нашего братства - И. В. Каргель писал в вероучении, составленном в 1913 году: 'Вечера Господня принятая с живой верой, делает нас участниками общения как с Ним, так и со всеми членами Церкви Его' (63). Современный протестантский богослов Сауси отмечает: 'Участие в Его присутствии не является физическим ядением или питием, а внутренним общением с Его Личностью, которая пользуется этим внешним актом как выражением внутренней духовной веры (64).

Таким образом если человек неверующий или маловерный принимает участие в Вечери Господней, то он ничего не приобретает в своем духовном естестве. Он принял только обычный хлеб и обычное вино и ничего более. Для него не существует святыни Господней (хотя объективно она существовала на этой Вечери), он не рассуждал о Телe и Крови Христа, а потому Дух Святой не мог обновить, очистить и подкрепить такого человека. Однако, участие в Вечери Господней такого человека

может принести вред и ему самому и окружающим. Ему - в случае, если он знал, что нельзя участвовать, и намеренно нарушил запрет. Для окружающих - в случае если они знают жизнь этого человека и внутренне протестуют против единства в трапезе с ним. Чтобы такого не случилось, диаконы, разносящие хлеб и чашу, должны хорошо знать членов своей общины, и, подойдя к незнакомым людям, не смущаясь спрашивать, являются ли пришедшие членами церкви и подготовились ли они к участию в Вечери.

Итак, два условия делают Вечерю Господню реальностью - это:

- 1) действие Святого Духа;
- 2) вера участвующих.

ПРАКТИКА

Как совершается Вечеря Господня? Каков ее порядок и место в системе богослужений? В чем ее литургические основы?

История Церкви знает много разнообразных литургий - священнодействий, во время которых совершается Вечеря Господня. Древнейшими считаются литургии Апостола Иакова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. (65). Однако наше братство, как и все протестантские деноминации, при совершении Вечери Господней пользуется порядком (иногда говорят - чином), который дан Господом через Апостола Павла и изложен в 1 Кор. 11. 23-32. Ввиду того, что Послание к Коринфянам было написано до самого первого Евангелия, здесь мы практически находим первую запись слов Иисуса' (66).

Указанный Ап. Павлом порядок богослужений в точности выполнялся в первых веках христианства. Вот как описывает один из самых ранних богословов - Иустин философ-мученик - Вечерю Господню, происходящую в конце первого, начале второго века по Р. Х. : 'К пресвитеру приносится хлеб и чаша с вином, растворенным водой. Он берет и именем Сына и Святого Духа благодарит и славит Отца всех... После благодарения предстоятеля и возгласения всего народа, так называемые у нас диакона дают каждому из присутствующих приобщение хлеба, над которым совершено благодарение, и вина, и воды, и относит к тем, которые отсутствуют' (67)

Читая эти строки, невольно забываешь, что с момента их написания прошло почти 19 столетий! Кажется, что Иустин Философ записал свои впечатления, побывав на богослужении в современной евангельской общине! Профессор церковной истории А. Шмеман указывает, что в первохристианстве: 'преломление хлеба' совершалось 'по домам', то есть в собрании общины, отличном от пребывания в Храме. Особым же днем Евхаристии является 'первый день' недели, - день, следующий за субботой, в который, по свидетельству Апостолов, воскрес Христос' (68).

Таким образом, не только богословски, но и исторически вполне оправдано литургическое требование совершать Вечерю Господню в воскресные дни. Хлеб преломляется только рукоположенным служителем. Характерными особенностями проведения подобных служений, как и в первохристианской церкви, являются:

Первая особенность - доступность, простота и реальность происходящего!

Все то, что совершается на Вечери Господней *не изображает* духовные процессы, а *являет* их. Мы убеждены, что все на Вечери Господней происходит реально и именно в данный момент времени.

Истории известно, что Вечерю Господню часто окружали сложным изобразительным символизмом. Это делалось безучловно из самых благочестивых намерений, но привело к тому, что ее стали воспринимать как инсценировку жизни и служения Иисуса Христа, придавая каждому действию священнослужителей символическое, прообразное значение. Со временем появилась необходимость в создании специальной литературы, раскрывающий этот символизм (69). Пытаясь выйти из создавшегося тупика, западное схоластическое богословие разработало представление о новом, особом мире *таинств*. Католический богослов Дом Воньер в известной книге 'Ключ к евхаристической доктрине' пишет: 'Мир таинств есть новый мир, созданный Богом и всецело отличный от мира природы и даже от мира духовного. Нет ничего ни на земле, ни на небе, подобного таинствам. У них свой образ существования, своя благодать'.

Подобное отношение к Вечери Господней совершенно чуждо евангельскому представлению. Вечеря Господня должна совершаться реально, а не символически. Особенно это касается возвещения смерти Христа. Служители первохристианской Церкви произносили яркие, сильные, понятные всем проповеди, в результате которых слушающие каялись, исполнялись силой

и благословениями. Также должно совершаться и в наших собраниях. Первое место в Вечери Господней занимает и должна занимать проповедь Слова Божьего в доступной форме на понятном языке.

С другой стороны, недопустимо проникновение условности и символизма во вторую часть богослужения - в само преломление хлеба и принятие чаши. В противовес настойчивому подчеркиванию историческими церквами буквального пресуществления хлеба и вина, '... большинство протестантов верят, что хлеб и вино являются символами воспоминания' (70). Это не соответствует Писанию. Следует помнить, что хлеб и вино 'не символизируют' (или 'изображают'), а, как сказано в вероучении нашего братства 'указывают на Тело и Кровь Иисуса Христа' (71), - являют видимую часть невидимого духовного присутствия воскресшего Христа.

Простота, реальность и отсутствие всякого символизма характеризует и сам процесс преломления хлеба. Оно совершается так же, как его совершал Сам Господь Иисус Христос. Он ломал хлеб руками, без применения ножа или другого орудия. Так же делают и в общинах нашего братства. Однако, простота в совершении богослужений с Вечерей Господней не должна переходить в свою крайность, за которой теряется священный трепет этой великой заповеди и она низводится на уровень повседневного вкушения хлеба. В связи с этим только аллегорически можно воспринимать слова Е. Уайт: 'Свет, исходящий от Вечери верхней горницы, освещает нашу ежедневную пищу. Семейная трапеза становится Вечерей Господней. И каждая возможность присутствовать за столом является причастием' (72). Безусловно, не каждая возможность вкушать хлеб является причастием, а только вкушение хлеба во время Вечери Господней.

Вторая особенность - в реальном осуществлении единства и всеобщности священства.

Проведение Вечери Господней в общинах нашего братства построено на участии и взаимодействии всех собравшихся. Нет разделения на священство и мирян. Все действия совершаются открыто, перед глазами всего собрания. Все молитвы произносятся вслух и подтверждаются всеобщим 'Аминь' - одним из ключевых слов христианского богослужения, связывающим в одно органическое целое руководящего проведением Вечери Господней и весь участвующий народ Божий.

Обычно 'Аминь' переводят 'да будет так!', но его первоначальное значение сильнее: 'Да это так и так будет!' Этим словом все собрание завершает и как бы 'запечатывает' каждую молитву, выражая этим не только единую общность собравшихся, но и активное участие каждого верующего в совершаемом священнодействии.

Николай Афанасьев определил взаимозависимость действий священнослужителя и народа как 'сослужение' (73): хотя хлеб преломляют служители церкви, но совершает Вечерю Господню все собрание.

Третья особенность - проведение Вечери Господней построено на принципе: 'Кто из вас больше, будь как меньший'.

Во время Тайной Вечери в иерусалимской горнице. Христос утвердил этот принцип в ответ на разгоревшийся между учениками спор: 'Кто из них должен почитаться большим' (Лк. 22. 34). При этом Он указал на Себя: 'Кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий' (Лк. 22. 27).

Принцип служения большего меньшему должен проявляться во всех аспектах христианской жизни. Безусловно, на этом же принципе должна строиться Вечеря Господня. Вполне закономерно и евангельски обосновано, что не рядовые верующие идут к служителям, а наоборот: служители идут в ряды общего собрания и обслуживают пришедших. Таков был почерк Господа Иисуса Христа, который сошел с небес и вошел в ряды грешников, чтобы послужить им. Поэтому и в первохристианской церкви не к диаконам подходили прихожане, а наоборот: диаконы обносили хлебом и чашей всех присутствующих. Также происходит и в общинах нашего братства. После преломления хлеба пресвитером, диаконы разносят его собравшимся, а пресвитер после этого подносит хлеб диаконам, служа им.

Но уже в 4 веке на 1 Вселенском соборе было принято правило, противоречащее этому евангельскому образу, но, к сожалению, до сих пор существующие как руководство в исторических церквях. Это правило запрещает диакону принимать Вечерю Господню до пресвитера, а также сидеть рядом с ним, но только ниже' (74).

Четвертая особенность - процесс преломления хлеба совершается не на алтаре, а на столе.

Это очень важная, хотя и незаметная, на первый взгляд, особенность приводит к размышлению над глубоким богословским понятием 'Вечеря Господня как жертва' (хостиа).

А. В. Карев в статье 'Священнодействия церкви' указывает, что есть существенная разница в преломлении хлеба за алтарем и за простым столом. Алтарь - это жертвенник (то есть Новая Голгофа), хостиа (жертва) - небольшая круглая и плоская облатка из пресной пшеничной муки (в католической церкви). На алтаре совершается жертвоприношение Богу. На столе никакого жертвоприношения не происходит, но все же совершается священнодействие: происходит 'особенно тесное соприкосновение с распятым на Голгофе Спасителем, соприкосновение с Его ранами и Кровью' (75).

Представление о Вечери Господней, как о Жертве появилось давно. Блаженный Августин даже назвал это священнодействие 'таинством алтаря', подчеркивая, что совершается оно в алтаре, на так называемом 'святом престоле'. В православном исповедании записано, что 'Евхаристия есть истинная жертва' (76). На это же, хоть и не так явно, указывали постановления Вселенских соборов - Никейского, Эфесского, Трульского.

Эпоха Реформации евангельским взором пересмотрела это представление и сотрудник Лютера - Меланхтон написал в Аугсбургском символе веры: 'Странное заблуждение, когда месса понимается как жертва... В мире только одна жертва искупления - смерть Христа... имеется только один Первосвященник, приносящий жертву за грехи грешников - Христос' (77).

Действительно, в Новом Завете нигде не указывается, что у христиан имелись свои жертвенники. Обычная ссылка на 1 Кор. 10. 18-21 не говорит о Вечери Господней как о жертве, а только сопоставляет богослужение трапезы у язычников и христиан. Другая ссылка на Евр. 13. 10 так же отрицает буквальный физический жертвенник, так как Апостол говорил, что жертва, приносимая на этом жертвеннике, это 'жертва хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его' (Евр. 13. 15) Ап. Павел ясно указывал, что жертва Христа принесена *единократно* (Евр. 10. 14) и не повторяется в виде 'бескровной жертвы' каждый раз при совершении хлебопреломления.

Вместе с тем, Вечеря Господня в определенном смысле может пониматься как жертва, но не как бескровная жертва Христа, приносимая каждый раз за людей Богу, а как обновление нашего личного самопожертвования Иисусу Христу, предоставления самого себя в жертву 'живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего' (Рим. 12. 1).

Еще М. Лютер, критикуя католическое понятие жертвы заметил, что мы не имеем ничего такого, что могли бы принести за себя в жертву Богу, кроме пожертвования своей жизни в послушание, а также жертвы благодарения и хваления. 'Писание поучает нас, - писал Лютер, - что не мы приносим Христа в жертву, а Он приносит нас в жертву. Поэтому допустимо и целесообразно называть мессу жертвой, и это не из-за нее самой, а потому, что мы приносим себя в жертву со Христом. Это значит, что мы полагаемся на Христа, твердо веря Его завету, и предстаем пред Богом с нашими молитвами, благодарениями и жертвами не иначе как только через Христа и Его посредничество' (78). Другие реформаторы, дополняя это воззрение, указывали, что присоединяясь верой к единой жертве Христа, Церковь - Тело Его - жертвует себя Богу.

Только в этом аспекте мы можем понимать Вечерю Господню как жертву: как воспоминание о единократной жертве Христа и о нашей личной жертвенной отдаче Богу. К такому пониманию в настоящее время возвращаются католическая и православная церковь. Так, в богословском собеседовании состоявшемся между евангельско-лютеранской церковью Финляндии и Русской православной церковью в декабре 1971 года, епископ Михаил, касаясь в своем докладе жертвенного характера Евхаристии, писал, что 'мы можем говорить только о духовном значении жертвы, и то не Христа, а нашей. В первохристианской церкви хлеб, приносимый на Вечерю, был даром, который синонимичен слову жертва' (79). Еще более определенно высказался католический профессор Дж. Макью: 'Единая Голгофская жертва создает основы для существования христианского общества. Акт веры, в котором это общество при евхаристическом воспоминании Голгофской жертвы исповедует и принимает то, что за него и для него сделано на Голгофе, уже сам по себе является жертвой. Это значит, что мы принимаем плоды Голгофы в акте, в котором мы соглашаемся сами на Голгофу, принося себя вместе со Христом Отцу. Акт веры христианского общества при участии в Евхаристии имеет структуру жертвы' (80).

Таким образом, Вечеря Господня, не являясь бескровной жертвой в буквальном смысле, представляет собой лишь духовное отражение жертвы Христа, а потому она совершается не на алтаре, а на простом столе.

Вечеря Господня как одно из самых ответственных церковных служений требует определенной подготовки всех участвующих. В дни предшествующие хлебопреломлению, желательно дома читать слова Священного Писания, напоминающие о страдающем Иисусе Христе и смысле Его смерти (напр. Ис. 53; Евр. 8-10, и т. д.); больше времени следует проводить в молитвах, анализируя свое поведение, мысли, слова, дела.

Во многих общинах утвердился обычай в день хлебопреломления находиться в полном посте, в состоянии особого духовного бодрствования, на страже: 'Что скажет мне Господь?' Некоторые считают необходимым пост и в дни предшествующие Вечери Господней. Желательно также подготовиться к этому дню праздничную одежду и свою внешность, 'омывши тело водою чистою'. Однако все это добрые человеческие традиции, а не установления Священного Писания. Поэтому М. Лютер писал: 'пост и телесные приготовления без сомнения, хорошее дело внешнего благочестия, но истинно достоин и вполне способен принять святое причащение лишь тот, кто верует словам: 'За вас предается и за вас изливается во оставление грехов' (81). Таким образом, главная подготовка к Вечери Господней должна заключаться в личном самоиспытании и самопроверке: в веру ли я? (2 Кор. 13.5).

'Самоиспытание - как часто мы забывали о нем. В чем же оно должно заключаться? В чем мы должны себя испытывать? В основном в следующем: в мире ли мы с Богом; в мире ли мы с людьми; чисто ли наше сердце; нет ли в нашей жизни сознательного греха; любим ли мы искренне и горячо нашего Спасителя? И если самоиспытание приведет нас к обнаружению какого-либо греха в нашем сердце или в нашей жизни - тогда мы должны обратиться к Господу с покаянием и верой, принять от Него прощение и очищение...Иуда был недостойн участвовать в Трапезе Господней, потому что в его сердце был явный и сознательный грех - вот что делает нас недостойными для участия в хлебопреломлении' (82).

К большому сожалению, в наших общинах еще очень силен дух самоправедности! Нередки случаи, когда подготовку к Вечери Господней превращают из самоиспытания в испытание стоящего рядом брата или сестры, а иногда и само хлебопреломление превращают в демонстрацию протеста, отказываясь от участия из-за того что в ней участвует некто, по их мнению, недостойный. Подобная практика чужда Евангельской истине. Из библейских повествований видно, что ученики опечалились в день Вечери и стали один за другим вопрошать: 'Не я ли, Господи? (Мф. 26.22) Они

были заняты исследованием самих себя, а не других. Это и имел в виду Ап. Павел подчеркивая, чтобы и мы *'судили сами себя'* (1 Кор 11.31) и приступали *'очистивши сердца от порочной совести'* (Евр. 10.22) через покаяние и веру в Господа Христа. Поэтому недопустимо испытание других и вынесение суда: могут или не могут они участвовать в Вечери Господней. Фарисея надо искать в себе, а не в других.

Желание уйти от фарисейской надменности и исключительности привело многие деноминации к идее *'открытого стола'*. Ее суть в том, что церковь не уполномочена ограничивать участие кого-либо в Вечери Господней, так как это трапеза Господа, а не трапеза Церкви. Запрет на участие, по мнению приверженцев этого рассуждения, является исключительно делом совести каждого, даже если он является членом Церкви. Так, Елена Уайт, считая, что Иуда участвовал не только в ветхозаветной трапезе, но и новозаветной трапезе, писала: *'Пример Христа не допускает, чтобы кто-нибудь был выведен из-за стола Господня... могут прийти люди, которые не от всего сердца преданы истине и святости, но которые выразят свое желание принять участие в святой вечере. Таковым не следует препятствовать'* (83).

Эта идея была бы вполне законной, если бы Вечеря Господня являлась только средством личного освящения, и только сводилась бы к взаимоотношениям Бога и каждого человека в отдельности. Однако, оценивая *'открытый стол'* с позиции Трапезы Господней как средства общения и единения членов Тела Христова друг с другом, надо признать, церковные ограничения, существующие с первых веков христиан (84) вполне обоснованы. Один из основателей баптистского братства в России Н. В. Одинцов писал в *'Исповедании веры христиан-баптистов'*, изданном в 1928 году: *'Святая Вечеря исключительно предназначена только для таких людей, которые посредством Божьей благодати соделались Его уделом и приняли Святое Крещение'* (85). Почти аналогичный пункт содержится в *'Исповедании'* принятом баптистскими церквами в Германии еще в 1847 году, составленном И. Онкеном.

Такое ограничение вполне целесообразно, так как Святая Трапеза должна осуществлять единение и снимать возможные недопонимания и непримирения между ее участниками. Однако следует строго следить, чтобы это ограничение не давало повода уничтожать своего ближнего.

В практике участия в Трапезе Господней наблюдается, что иногда отдельные члены церкви воздерживаются от принятия Вечери. Причиной тому является отсутствие мира с кем-либо. Нарушение мира может возникнуть и не по вине верующего. Евангелие призывает: *'Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми'* (Рим. 12.18). Иногда верующему не удастся восстановить мир. Как в этом случае отнестись к Вечери?

Ведь ее мы совершаем по заповеди Господней. Отказ от участия в ней есть отказ от исполнения заповеди. Поэтому для восстановления со всеми нормальных дружеских отношений верующий должен, конечно, сделать все. Если же по причине неверующей стороны это не удастся, надо, подобно мытарю в храме, с раскаянием предстать пред Богом, но в Вечери участвовать. При искреннем раскаянии Бог Сам удостоивает участия в Вечери. Достоин принять участие в Вечери Господней как раз тот, кто чувствует себя недостойным и жаждет уверенности, прощения и общения - указано в комментариях на Новый Завет Р. Грюнцвайга (86).

Здесь полезно запомнить, что говорит Слово Божие в отношении тех, кто легкомысленно отказался от совершения ветхозаветной Пасхи: 'А кто чист и не находится в дороге, и не совершит Пасхи, истребится душа та из народа своего; ибо он не принес приношения Господу в свое время; понесет на себе грех человек тот' (Чис. 9. 13). Исключением являются случаи, когда верующий находится на замечании или отлучен. В этих случаях в вечере не участвует.

Как бы обобщая рассуждения о подготовке к Вечере Господней, Г. К. Тиссен пишет: 'Церковь не уполномочена судить о верующих, за исключением случаев беспорядочного поведения, лжеучений или участия в несоответствующих Писанию практиках' (87).

Относительно дней, в которые необходимо участвовать в Вечери, строгих указаний в Священном Писании не содержится. Как поступали первые христиане, описано в книге Деяний: 'И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца' (Деян. 2. 46). Вечера Господня совершались каждый день. Наряду с этим читаем: 'А мы после дней опресночных отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Трояду, где пребыли семь дней. В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба...' (Деян. 20. 6-7). Из этих слов видно, что из семи дней, проведенных в Трояде, только первый день недели (воскресенье) был выбран учениками и Апостолом Павлом для совершения преломления хлеба. Думаем, что в каждом конкретном случае это решалось последователями Христовыми.

В нашем братстве, как и во всемирном, преломление хлеба совершается, как правило, один раз в месяц - в первое воскресенье. Если же в какой-либо поместной церкви в силу определенных причин переносится преломление на другой день, это не является нарушением Священного Писания.

При проведении Вечери Господней возникает также много других практических вопросов. Например, какой надо употреблять хлеб - пресный или квасной? Разбавлять ли вино водой? Можно ли употреблять вместо вина виноградный сок? Священное Писание не дает на эти и подобные вопросы однозначные ответы.

Некоторые, пытаясь вернуться к первохристианству, восстанавливают вид и качество хлеба и питья, употребляемого Христом, но при этом вступают в такие резкие диспуты, что невольно вспоминаешь слова Христа об оцепивающих комара, а верблюда поглощающих (Мф. 23. 24). С горечью приходится наблюдать, как буквоедство и попытки вернуться к внешнему первохристианству перечеркивают главное в учении Христа - любовь к ближнему и единство народа Божия.

Думается, что если подобные практические вопросы не оговорены в Священном Писании, их решение зависит от поместной церкви, ее условий и воззрений и ни в коем случае не должно служить поводом к бесплодным спорам и разделением. Ибо 'к миру призвал нас Господь' (1 Кор. 7. 15).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами предстала Вечеря Господня как центральное событие церковной жизни. Это единая, хотя и многогранная Трапеза Господа нашего Иисуса Христа, на которую Он собирает искупленных своих чад.

Ее истоки, содержащиеся в Ветхом Завете: иудейская пасха, заключенные завета с Израилем у Синая, поминальная трапеза и священное, хотя и повседневное у иудеев преломление хлеба - были соединены, слиты воедино, очищены от ветхих прообразов и наполнены истинным первоначальным и предвечным смыслом.

Внутренний смысл Вечери Господней, который можно условно представить как ВОЗВЕЩЕНИЕ, ВОСПОМИНАНИЕ, ПРИОБЩЕНИЕ, БЛАГОДАРЕНИЕ, ОБЩЕНИЕ ОСВЯЩЕНИЕ и ЗАЛОГ ГРЯДУЩЕГО - заставляет трепетно, серьезно и с глубоким благоговением отнестись к ней. Ибо от отношения к этой трапезе, проявленного в вере и одухотворенного действием Духа Божьего, - зависит действенность этой заповеди и возможность воспользоваться всем богатством, сокрытом в этой великой сокровищнице Божией.

Обратим самое пристальное внимание на то, чтобы практика проведения Вечери Господней соответствовала ее содержанию, ибо заповедь, оторванная от правильного исполнения - это только заповедь, и лишь в исполнении она становится силой.

Дал бы Господь всем нам пользоваться этой силой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chronologie J.Dheilly. "Dictionnaire Biblique. Ed. Deslee Tornai", 1964, h.193.
2. Подробнее см. С.Г.Шелетов 'Тайная вечеря', 'Братский вестник', 1960, # 4, с. 63 - 64.
3. Светлов Эммануил 'Магизм и единобожие', 1971, с.313.
4. Велльгаузен Ю. 'Введение в историю Израиля', СПб, 1909, с.71.
5. Некоторые отрицают это. Например см. реферат Д.Д.Шаловалова. 'О Вечере Господней'; кн.Слободяника В.А. 'Лепта 3', с.161.
6. 'Вечеря Господня: открытая или закрытая'. Настольный календарь служителя церкви АСД, 1986, ч.11, с.139.
7. Еврейское слово 'песах' (Пасха) дословно означает 'прохождение мимо' или 'пощада'. Подробнее см. 'Библейский словарь' Эрика Нюстрема, с.308-311.
8. О понятии 'союза-завета' (евр. берит) подробнее см.Словарь Библейского богословия (под ред. К.Леон. Дюфура), с.1101-1110.
9. Подробнее см. 'Заметки на книгу исход', К.М.Макинтош, с.241.
10. Подробнее об этих заветах см. 'Толкование новозаветных посланий и кн. Откровения' под ред. Пл.Харчлаа, с.334.
11. Тиссен Г.К. 'Систематическое богословие', с.417.
12. 'Еврейская энциклопедия', (под ред. д-р Л.Каценельсона и барона Д.Г.Гинабурга) т.12, с.605.
13. Карев А.В. 'Голгофа', 'Братский вестник', 1974, # 2, с.22.
14. Сомов К.В. 'Церковь Христа и ее священство', 'Братский вестник', 1963, # 4, с.56.
15. 'Еврейская энциклопедия', т.12, с.562.
16. Карев А.В. 'Вечеря Господня. Ее установление и значение', 'Братский вестник', 1962, # 2, с.19.
17. Там же.
18. Комментарий д-р В.де Боора к 1 посланию Коринфянам 'Вуппертальское изучение Библии', с.201.
19. Адамович Г.А. 'Искры', кн.8, с.25.
20. Лехтонен Самуэл 'Евхаристия и жертва Христа', 'Богословские труды', М., Московская Патриархия, 1973, # 11.
21. Тиссен Г.К. 'Систематическое богословие', с.416.

22. *Митрополит Макарий* 'Православно-догматическое богословие', СПб, 1895, т. 2, с. 397.
23. 'Сравнительное богословие. Католицизм', Библейские заочные курсы. Москва.
24. *Ориген* 'Коментарий на Евангелие от Матфея', п. 85.
25. *Тертулиан* 'Против Маркиона', раз. 1 и 4.
26. *Епископ Сильвестр* 'Опыт православного догматического богословия', Киев, 1892.
27. *Св. Киприан* 'Послание Цецилию', с. 63, п. 2.
28. Цитируется по: *Робертсон Д.С.* 'История христианской церкви' СПб, 1891, т. 2, с. 241.
29. Там же.
30. *Тиссен Г.К.* 'Систематическое богословие', с. 418.
31. *Лютер М.* 'Краткий катехизис', отдел 5, вопрос 1.
32. *Кондаков Н.И.* 'Логический словарь - справочник', 1976, с. 533.
33. *Ожегов С.И.* 'Словарь русского языка', 1984, с. 201.
34. *Жидков М.Я.* 'Водное крещение и Вечера Господня', 'Братский вестник', 1975, # 2, с. 59.
35. Цитир. по: *Робертсон Д.С.* 'История христианской церкви'. СПб, 1891.
36. *Николайнен А.Т.* 'Евхаристия в свете исследований Священного Писания Нового Завета', 'Богословские труды', 1973, # 11.
37. Литургический текст Иоанна Златоуста.
38. 'Братский вестник', 1960, # 1, с. 46.
39. Библейская энциклопедия изд. *Архимандрита Никифора*, 1891.
40. *Тярк О.А.* 'Евангелие от Марка', 'Братский вестник', 1980, # 5.
41. *Дикс Г.* 'Чин литургии Д.П. 1945.
42. *Шмеман А.* 'Евхаристия. Таинство Царства', 1984.
43. *Баркли У.* 'Толкование посланий к Коринфянам', ВСБ, 1981, с. 112.
44. *Тиссен Г.К.* 'Систематическое богословие'.
45. 'Догматика', ВСХЕБ, ЗБК, с. 264.
46. 'Резюме по евхаристической тематике', 'Богословские труды', 1973, # 11.
47. *Лютер М.* 'Краткий катехизис', отдел 5, п. 3
48. 'Учение 12-ти апостолов'. В кн.: 'Ранние отцы Церкви. Антология', Брюссель, 1988, с. 22.
49. *Высоцкий Н.И.*, реферат 'Хлебопреломление'.

50. *Николайнен А.Т.* 'Евхаристия в свете исследований Св.Писания Нового Завета', М., 'Богословские труды', 1973, # 11.
51. *Шмеман А.* 'Введение в литургическое богословие', Париж, 1961.
52. *Епископ Сильвестр* 'Опыт православного догматического богословия', Киев, 1892.
53. 'Деяния Вселенских Соборов', изд. Казанской духовной академии, 1877.
54. *Митрополит Макарий* 'Православно-догматическое богословие', т. 2, СПб, 1895.
55. 'Учение Господа через 12 апостолов'. В кн.: 'Ранние отцы Церкви. Антология'. Брюссель, 1988, с. 13 - 27.
56. *Гендриксен* 'Толкование Евангелия от Матфея', с. 911.
57. 'Крещение. Евхаристия. Священство'. Текст комиссии: 'Вера и церковное устройство Всемирного совета Церквей', Лима-82.
58. Там же, с. 25.
59. *Бердяев Н.* 'Экзистенциальная диалектика Божественного и человеческого'. У.П. 1952, с. 208.
60. Подробнее см. *Д. Фрезер* 'Золотая ветвь', ч. 1, 'Магизм и религия'.
61. *Жидков М.Я.* 'Водное крещение и Вечеря Господня', 'Братский вестник', 1975, # 2.
62. *Митрополит Макарий* 'Православно-догматическое богословие', т. 2, СПб, 1895.
63. 'Братский вестник', 1966, # 5, с. 17.
64. *Сауси* 'Церковь в программе Божией', с. 224
65. Подробнее см. 'Богословие преосвященного Феофана Прокоповича'.
66. *Баркли У.* 'Толкование послания к Коринфянам', ВСВ, 1981, с. 113.
67. *Иустин философ* 'Апоплогия 1', п. 65.
68. *Шмеман А.* 'Исторический путь православия', Нью-Йорк, 1954, с. 19.
69. Например, в католическом мире книга *Д.О.Касела* 'Таинственность христианского богослужения', Лондон, 1962; в православном мире - 'Пространный Катехизис' митрополита *Филарета*, 'Евхаристия' архимандрита *Кириана*; в популярной форме изобразительный символизм литургии раскрывается *Н. Гоголем* во второй части книги 'Выбранные места из переписки с друзьями'.
70. *Литтл Поль* 'Знай, во что веришь'. Славянское Евангельское общество.
71. 'Вероучение евангельских христиан-баптистов', 'Братский вестник', 1980, # 4, с. 47.

72. Уайт Е. 'Желание веков', гл. 72, с. 27.
73. Афанасьев Николай 'Трапеза господня', 1952.
74. 'Правила святых Вселенских Соборов', 1877, ч. 1.
75. Карев А. В. 'Священнодействия церкви', 'Братск. вест.', 1963, # 1.
76. 'Православное исповедание', ч. 1, ответ на вопрос 107.
77. 'Аугсбургский символ веры', статья 24.
78. Цитируется по С. Лехтонен 'Евхаристия и жертва Христа'.
79. Епископ Михаил 'Евхаристия как новозаветное жертвоприношение'.
'Богословские труды', 1973, # 11.
80. 'Богословские труды', 1973, # 11.
81. Лютер М. 'Краткий катехизис', отдел 5.
82. Карев А. В. 'Братский вестник', 1962, # 2, с. 16-17.
83. Уайт Ел. 'Желание веков', гл. 72, с. 18-19.
84. Еще Иустин философ писал в своей 'Апологии 1', п. 65, что в Вечери Господней у них участвуют только члены общины.
85. Одинцов Н. В. 'Исповедание веры христиан-баптистов', 1928, гл. 9.
86. 'Евангелие с объяснениями 51 богослова', (под ред. Р. Грюнцвайга, Г. Киллерберга и др.).
87. Тиссен Г. К. 'Систематическое богословие', с. 420.